ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 1919

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ

Помню, когда в третий раз мы выскочили и уставились друг на друга, испанец сипло расхохотался, схватил меня за руку со словами!

— Что, хорошо, товарищ!

Работать стало веселей. Решетки не засаривались, порции угля следовали одна за другой — смена незаметно прошла. Испанец, весело улыбаясь, называл меня товарищем, жал руку и говорил, что я хорошо работаю.

На третий день с лица у меня сошла кожа, воспаленные глаза слезились и болели, я ходил, раскачиваясь: в голове стоял непрерывный грохот и в глазах двоилось.

И тогда я понял, как важна нам совместная быстрая работа — и понял радость испанца в нашу первую смену.

Как-то я работал с негром. На него страшно было смотреть. Он с яростью бросался к печи; порою скалил свои белые зубы и рычал, но затем как-то отупевал. С ним не было согласованной работы.

После мне пришлось работать с японцем. Бросив 5—10 лопат угля, он с воем валился на пол, хватался руками за живот — и отказывался работать.

Был ли он болен или притворялся, неизвестно. Но накипала невольная злоба, когда приходилось заканчивать двойную работу одному.

Обозленный испанец Франциско, видя, что японец с'едает почти в два раза больше нашего и, не идя к врачу, каждый раз повторяет свой припадок, решил, что тот симулирует, и что надо его проучить.

Когда однажды мы уселись перед своими приборами обедать, Франциско, предупредив нас, схватил прибор японца и вылил все содержимое в люк.

Японец жалобно глядел на нас, открывал рот и знаками показывал, что он хочет есть.

После обеда Франциско поднялся, засучил рукава, будто готовясь к боксу, направился к японцу и с криком: — Идем работать! — Заработай себе обед! — погнал беднягу в кочегарку.

После он мне рассказывал, что японец, бросив две лопаты, повалился на пол и отказался работать.

Франциско, наградив его двумя тяжелыми ударами бокса, размахнулся лопатой.

Японец, думая, что тот смертельно изобьет его, поднял отчаянный крик.

Появившемуся англичанину-машинисту Франциско об'яснил, что японец много ест и ничего не делает, и показал на горн японца.

Тогда англичанин схватил за шиворот беднягу, потащил его к горну, начал подбрасывать, как маленькую куклу, и, показывая поочередно на чистую решетку испанца и засоренную его, кричал:

— Смотри, как надо работать!

В тот день мы все усиленно кормили японца, но тот плохо ел. Припадки его прекратились, но на первой же стоянке, не взяв даже своего жалованья, японец исчез с корабля.

Случай с японцем охладил мои отношения с Франциско. Я говорил, что мы жестоко поступили с ним. Франциско самому было неприятно, но оправдывался он тем, что, раз кто взялся за работу, должен честно ее исполнять, а если не может, то должен тотчас отказаться.

Я не стал ему проповедывать, когда действительно мы должны честно, по совести исполнять нашу работу, но невольно мелькнувшая мысль о России, теперь такой близкой и родной, где все было ныне во власти таких же, как и мы, рабочих, наполнила меня радостью.

Я с каждым ударом винта чувствовал, что мы все ближе к родным берегам — и теперь впервые после долгих скитаний невольно срывалось с уст такое большое и такое ласковое слово — родина.

Обернувшись как-то к испанцу, я говорил:

— Едем на родину — ты увидишь новый свет!

— Я устроюсь здесь поваром — ответил он мне, широко улыбаясь.

И эта жестокая работа у раскаленной печи была как-будто последним кругом чистилища, прежде чем приступить к свободной, творческой работе в свободной стране.

Помню, подходили к Архангельску — в ясный, яркий, солнечный, но холодный день. Я стоял на палубе без фуражки у дрожавших от последних ударов винта перил со всем моим достоянием — небольшим саквояжем, готовясь сойти на берег.

Сильный встречный ветер гнал вспененную рябь и трепал мои волосы. Белые чайки кружились с голодными криками над нами, и на их розовых лапах блестели бриллиантами капли еще не упавшей воды.

Кончено, кончено — к новой жизни в новой стране.

И не знаю, от волнения ли или от сильного встречного ветра, на глазах моих невольно выступили слезы.

Вдали можно было разглядеть первые белые здания, блеснули маковки церквей.

Марк Рудный.

Пролетарская культура.

С давних времен, когда человечество в своей борьбе с природой еще употребляло самые примитивные способы борьбы, начался процесс накопления знаний. В эту же эпоху примитивной борьбы с природой начался другой процесс, параллельный первому, процесс развития способностей к эстетическим переживаниям. То была эпоха, когда не было ни науки, ни искусства, когда человек не обладал организованными знаниями, когда он не мог чувствовать сложно и организованно. Долгое время человечество обладало тем великим духовным примитивом, из которого позже развились наука и искусство. Что ж такое наука, и что ж такое искусство? Разрозненные неорганизованные знания, численно пополняемые случайно, без применения к изысканию их определенного метода, наукой назвать нельзя. Понятие науки появилось как раз тогда, когда знания человека так организовались, и их количественно было столько, что из всего этого вытекал сам собой определенный способ пополнения человеческих познаний. Голые положения: дважды два—четыре, сумма двух смежных углов равна двум прямым углам—не наука, а голые факты. Приведенные в определенную систему, позволяющую в большей или меньшей степени решить появившиеся новые вопросы, или подойти к решению таковых более или менее,—эти факты вместе с системой и вытекающими отсюда возможностями составляют науку. То же самое можно сказать и об искусстве: там, где нет системы, где нет организации и вытекающей отсюда возможности совершенствоваться для человеческой способности творить, там нет искусства. Там, где все это на лицо, там есть искусство. Как продукт усложненности человеческой борьбы, вместе с превращением ее только в классовую, появились наука и искусство.

Наука и искусство с первых же дней своего существования стали орудиями классовой борьбы. Не было одной минуты в жизни классового, антагонистического общества, когда бы наука и искусство не служили интересам господствующего класса. Социальные условия для каждого класса создают и создавали определенный классовый характер мысли. Наука и искусство—продукты мышления того или другого класса—всегда носили и носят классовый характер. Итак, и по значению в классовой борьбе, и по характеру изнутри, наука и искусство классовы.

Вся история классового общества есть история борьбы класса. Класс нарождается, класс вступает в борьбу с остальными, класс побеждает, продолжая бороться, класс господствует, класс побеждается новым классом и умирает. Так происходит смена классов, происходит смена авангардов человечества. Каждый класс несет определенную идеологию, каждый класс несет свою науку и свое искусство. Новый класс—новая наука, новое искусство. Каждый класс приносит в сокровищницу завоеваний человеческого духа свою дань, а именно все то из завоеваний науки и искусства класса, что имеет общечеловеческое значение. В этом социальный смысл процесса накопления человеческих знаний и процесса развития способностей к эстетическим переживаниям. Пролетариат, побеждающий буржуазию, взяв от последней общечеловеческое в области науки и искусства, несет новую пролетарскую науку, новое пролетарское искусство. Пролетариат несет идею уничтожения классового общества, уничтожает классы; пролетариата некому сменить. Следовательно, завоевания науки и искусства пролетариата имеют общечеловеческое значение. Конец классовому обществу, конец смене методов накопления: пролетариат несет самый совершенный, самый идеальный метод. Человечество, пройдя через горнило классовой борьбы, выходит на великий, широкий и свободный путь прогресса, заплатив за это великою кровью и великими мучениями!.. Человечество пойдет впредь не куриными шагами, не шажками ребенка, мелкими, неверными, не шатаясь вправо и влево, не падая,— а как взрослый и здоровый человек, который использует все имеющиеся в его распоряжении средства передвижения для самого быстрого приближения к цели... Да здравствует пролетарская революция и пролетарская культура!

М. Гришин.

Заслуги его перед ней в том, что, владея прекрасно всеми литературными формами прежних школ, он решительно отверг их, так как увидел, что эти „костюмчики“ не по плечу подрастающей пролетарской поэзии.

Нелюбим он потому, что новаторы не пользуются у людей любовью, а известность приходит не вдруг. Свою книгу он назвал — „Динамо-Стихи“, и вполне верно. Его стихи взрывают старые понятия, старые представления о законах стихосложения и т. д.

Зная о возможных нападках на свои „Динамо-Стихи“ и упреки за „незнание законов стихосложения“,— размера и ритма, тов. Садофьев язвительно отвечает своим буржуазным противникам:

„[illegible] презрительно,
Трамваи, пролетки дразнили нарушением ритма,
Пешеходы, дома и улицы демонстрировали
Смешением формы и размера…
Автомобили немолчно кричали:
„Скопцы!… Скопцы!…“
Убедительно зазвучал голос устроителей праздника,
Властный голос окраин:
„Слепцы!
Поймите, что все то, что замкнуто вами
В условную, беззубую, мертвую догму,
И размерную, ритмичную форму —
Уже не живет…
И что создается по старым законам,
Тотчас умирает…
Мы, восставшие, разбившие рабства оковы,
Призваны разрушить и старые догмы
И формы…
Ибо созданная нами Поэма —
Сама — Жизнь…“

Как это великолепно! Пусть кому охота, спорят, что это не поэзия. Мы не будем им отвечать. Против старых форм восстает сама жизнь. И сама жизнь живет в поэмах пролетарского поэта, а для нас это очень важно. Важно во многих отношениях. Во-первых, оживает поэзия. Из чахлой, парниковой особы она превращается в вольное дерево, буйно раскидывающее свои ветви под жарким солнцем коммуны. А во-вторых, она передает новым поколениям кусок нервно-трепещущей жизни людей-гигантов, не обкарнанной по всем правилам стихосложения. Пускай узнают будущие люди о восстании большевиков без всяких вымыслов и об агонии старого преступного мира. Вот они:

„Обыватели, поэты, законники, ученые,
Восстанием, переворотом напуганные,
Удрученные…
Но злобные и гневные, как Боги поруганные
И внезапные, как разбойники, викинги,
Прибежали
На площади, на сходки, на митинги
И бессвязно, возбужденно,
Исступленно,
Закричали
Диким гиком,
Злобным зыком,
Благим матом….

Ка-ра-ууул!….
В Мир Великий Хам вступает,
Все свергает, разрушает…
Все приюты красоты
Ткани дерзостной мечты
Осквернил…
Храма Божьего с Законом,
Свиет хлыста с церковным звоном,
Узы брачные расторг,
Нашу радость и восторг
Омрачил,
Жизни цель и смысл убил…“

Да, не сомневаемся, убил. А поэты Великого Хама заостряют кол, чтобы всадить его в гроб буржуазного искусства, чтобы никогда уж не воскресло буржуазное чародейство.

Динамичны стихи тов. Садофьева еще и в другом отношении: в них сильны токи человеческих страстей. В них нет поэтической созерцательности, но есть много движения, много драматических положений. Его стихами можно или увлекаться, или их ненавидеть. В них нет середины. Это относится к первой части, к „Поступи радостных веков“. В других частях книги есть немало хороших и по-пролетарски глубоких стихов, но они очень пестрят разнообразием старой формы, которая иногда приводит поэта к подражательности. И еще страдают они длиннотами. Поэт старается высказаться в них до конца, старается в них ничего не забыть из своих мыслей. Не помню, кто сказал „пусть твоим словам будет тесно, а мыслям свободно“, но у тов. Садофьева часто тесно мыслям, потому что их слишком у него много.

Эдгар По говорит, что „поэмы не должны быть короткими, но они не должны быть и чересчур длинными, потому что в первом случае пробужденный наш интерес не получает пищи, а во втором он уже пресыщается“.

Тов. Садофьеву не мешало бы сокращать свои стихи-поэмы насчет второстепенных мыслей. От этого образность стиха и основная его мысль только выиграют. Прежде всего нужно держаться принципа, по которому с наименьшими затратами получается наибольший результат.

Размеры этой статьи не позволяют мне подробно разобрать произведения пролетарских поэтов. И откровенно говоря, не в подробном разборе была основная моя задача, а в том, чтобы помочь своим товарищам, рабочим поэтам, поэтически самоопределиться,— то есть по заложенному в них природой дару найти свой особенный путь, по которому они скорее всего выйдут на широкую дорогу рабочей литературы, не сбиваясь и не сталкивая друг друга с той стези, которая более свойственна одному, нежели другому.

Павел Безсалько.

Всероссийская конференция представителей Советов Пролеткультов.

20-го января в гор. Москве состоялась конференция Советов Пролеткультов, созванная Всероссийским Центральным Комитетом Пролеткульта, на котором присутствовали представители от 12 Пролеткультов, в том числе от Московского, Петербургского, Самарского, Саратовского, Тамбовского, Тверского, Колпинского, Царевского и др.

Занятия конференции открылись интересными и дельными докладами с мест, из которых выяснилось, что и организационно, и идейно деятельность Пролеткультов растет, как говорится, «не по дням, а по часам».

Насколько прочно вкоренилась идея самостоятельной классовой культуры, насколько является необходимым самой массе руководить культурно-просветительным движением, показывают те факты, что некоторые Пролеткульты, как например, Тамбовский, Тверской, Кологривский (Костромск. губ.), Царевский (Астрах.) возникли почти стихийно и долго существовали без всякой поддержки из центра.

В самом начале деятельности почти каждому Пролеткульту приходилось устанавливать взаимоотношения с местными партийными Комитетами, Советами и Отделами Комиссариата Народного Просвещения.

Труднее всего оказывалось „поладить“ с Отделами Комиссариата Просвещения; что же касается партий и Советов, то конфликты на этой почве происходили только с одним Тамбовским Пролеткультом, во всех остальных — партии и Советы оказывали самую товарищескую поддержку Пролеткультам.

Почти все Пролеткульты имеют отделы: музыкально-вокальный, театральный, литературный, клубный, реже издательский и научный. Пролеткультские университеты пока организованы только в центре: в Петрограде и Москве; в этих же Пролеткультах развита сильнее других издательская деятельность. Свои печатные органы имеют почти все Пролеткульты, а некоторые не могут пока выпускать за отсутствием типографий и бумаги. Оформленные драматические труппы находятся опять-таки в центре, и на первом месте по широте своей работы стоит рабочая труппа Петроградского Пролеткульта.

Самым главным препятствием в деятельности Пролеткультов является недостаток денежных средств, отвлечение активных работников на фронт и очень слабая связь с центром. Второстепенными причинами могут считаться — отсутствие хорошо приспособленных помещений, недостаток учебных пособий, руководств и т. п.

В прениях по докладам некоторые товарищи развивали мысль о необходимости углубления научной деятельности Пролеткультов, усиления материальной и моральной поддержки из центров и о необходимости единого плана организационной работы.

Все высказанные в докладах и прениях соображения приняты для практического разрешения их Центральным Комитетом.

Вторым вопросом — конференция заслушала отчет о деятельности Всероссийского Центрального Пролеткульта.

Преодолев все организационные трудности, Центральный Комитет со времени своего избрания выполнил огромную работу по строительству пролетарской культуры. Помимо секретариата, обслуживающего указаниями и справками Пролеткульты, Центральным Комитетом организовано Бюро печати, в котором собираются все сведения о пролетарском просветительном движении. Установлена прочная связь с местными Пролеткультами путем посылки организаторов, инструкторов и лекторов из центра. Контролируются и утверждаются сметы Пролеткультов. Развивается также и литературно-издательская деятельность. Изданы резолюции и речи 1-ой всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, увеличился об'ем и тираж центрального органа «Пролетарская Культура». После утверждения отчета Центрального Комитета кон-

ференция рассмотрела и утвердила общий план организации Пролеткульта. В заключение признано необходимым содействовать оформлению пролетарского культурно-просветительного движения в освобожденных местностях — Украйне, Латвии, Польше и др.

М.

План организации Пролеткульта.

(Принятый Ц. К. на заседании 14 дек. 1918 г. и утвержденный Конференцией 21 янв. 1919 г.).

Пролеткульт есть культурно-творческая классовая организация пролетариата,—как рабочая партия—его политическая организация, профессиональные союзы, организация экономическая.

Подобно тому, как партия включает в свой состав, особенно на первых шагах своего развития, лишь политический авангард рабочего класса—его элементы наиболее сознательные политически, и Пролеткульт должен непосредственно включать лишь культурный авангард пролетариата, его элементы наиболее передовые и сознательные в культурном отношении: причины аналогичные, но здесь они действуют еще сильнее. Если бы выработка политических задач и лозунгов прямо зависела от малосознательного большинства пролетариата, то политическая линия партии определилась бы уровнем этого большинства, а не была бы наиболее чистым и последовательным выражением классовых интересов и тенденций, партия не была бы истинной руководительницей класса и в его борьбе. Если бы культурно-революционная линия Пролеткульта зависела от малосознательных широких масс, Пролеткульт не мог бы выделить среди культурно-творческого классового процесса и организовать в стройное целое чистые формы и тенденции новой культуры, не мог бы дать массам истинного руководства в этом смысле.

Отсюда неизбежность некоторых организационных ограничений. Другие ограничения вытекают из того факта, что в культурном творчестве роль сочувствующих непролетарских элементов более, чем где-либо должна быть технически подсобной, ибо его классовый дух и характер может быть основан лишь на глубоком проникновении условиями классовой жизни и быта, какое мало доступно для приходящих извне.

В своем внутреннем строении организация Пролеткульта должна быть последовательным воплощением основного пролетарского классового принципа - коллективизма, т. е. товарищеского сотрудничества, и должна быть, по мере возможности согласована со строением параллельных организаций, как политических, так и особенно профессиональных.

I. Фабрично-Заводской Пролеткульт.

1. Основной ячейкой Пролеткульта является культурно-просветительная комиссия при комитете фабрично-заводского предприятия, стоящая на платформе Первой Всероссийской Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.

2. Культурно-просветительная комиссия выбирается рабочими каждого предприятия.

3. В обязанности культурно-просветительной комиссии входит организация всей работы в предприятии и сношение с районным Пролеткультом.

4. Собирается культурно-просветительная комиссия не менее одного раза в неделю. Каждые 2 недели устраивает собрание с активными работниками и 1 раз в месяц организует собрание фабрично-заводского Пролеткульта.

5. Средства культурно-просветительной комиссии составляются из членских взносов, отчислений фабрично-заводского комитета и сметных ассигнований от районного Пролеткульта.

6. Каждое полугодие фабрично-заводской Пролеткульт представляет в районный Пролеткульт детально-разработанную и мотивированную смету (прихода и расхода), вместе с отчетом о своей идейно-организационной и финансовой деятельности.

II. Районный Пролеткульт.

1. Фабрично-заводские Пролеткульты в больших центрах путем Конференции создают Районный Пролеткульт.

2. Во главе районного Пролеткульта стоит районный Совет Пролеткульта. Он состоит из 7 членов, выбранных на районной Конференции, по 1 представителю от фабрично-заводских Пролеткультов, районного Комитета Р. К. Партии, Районного Совета, районных об'единений и центров, где таковые имеются, профессиональных союзов, рабочей Кооперации, Красной армии и флота и революционно-социалистической молодежи.

3. 7 членов, выбранных Конференцией, составляют Президиум Советов, как постоянно действующий орган.

4. Президиум выбирает троих, как Исполнительное Бюро.

5. Президиум Совета собирается не менее 2 раз в неделю, Совет—1 раз в месяц, после собрания районных Советов, Городская Конференция—1 раз в полугодие, после районных Конференций.

6. На обязанности Совета и его исполнительных органов лежит: организация районных Пролеткультов, регистрация их, с точным указанием числа членов, бюджета, размера и характера работы, постановка в них работы согласно решениям Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта, составление детально-разработанной и мотивированной сметы (прихода и расхода) для всего города и отчета о работе, которые раз в полугодие представляются в областной Пролеткульт.

7. Фабрично-заводские Пролеткульты, разбросанные по уезду, путем Конференции создают свой районный Пролеткульт в ближайшем промышленном центре (а не обязательно в уездном городе), применяясь к центрам профессионального движения.

8. План организации, права и обязанности районных Пролеткультов те же, что и районных Пролеткультов в больших центрах.

9. Районные Пролеткульты открывают у себя отделы по возможности в следующем порядке: инструкторско-агитационный, клубный, литературный, музыкально-вокальный, театральный, изобразительных искусств и хозяйственный (обязательно).

III. Городской и Областной Пролеткульты.

1. Районные Пролеткульты в больших центрах путем Конференции создают Городской Пролеткульт.

2. Во главе Городского Пролеткульта стоит Городской Совет Пролеткульта. Он состоит из 9 членов, выбранных на Городской Конференции, по 1 представителю от Городского Комитета Р. К. Партии, Городского Совета, от городских об'единений и центров, где таковые имеются, профессиональных союзов, рабочей Кооперации, Красной армии и флота и революционно-социалистической молодежи.

3. 9 членов, выбранных Конференцией, составляют Президиум Совета, как постоянно действующий орган.

4. Президиум выделяет троих, как Исполнительное Бюро.

5. Президиум Совета собирается не менее 1-го раза в неделю, Совет не менее 1 раза в месяц, после районных Советов, Городская Конференция—1 раз в полугодие, после районных Конференций.

6. На обязанности Совета и его исполнительных органов лежит: организация районных Пролеткультов, регистрация их, с точным указанием числа об'единенных в них фабрично-заводских Пролеткультов и числа членов, бюджета, размера и характера работ, постановка в них работы, согласно решениям Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта, составление детально-разработанной и мотивированной сметы (прихода и расхода) для всего города и отчета о работе, которые один раз в полугодие представляются в областной Пролеткульт, а где таковых нет, в Центральный Комитет Всероссийского Совета Пролеткульта. Совет назначает время Конференции районных Пролеткультов.

7. Районные Пролеткульты, разбросанные по губернии, путем Конференции создают губернские Пролеткульты, применительно при центрах профессиональных организаций.

8. План организации, права и обязанности губернских Пролеткультов те же, что и городских Пролеткультов в больших центрах.

9. Городские и областные Пролеткульты открывают у себя Отделы в следующем порядке: инструкторско-агитационный, клубный, музыкально-вокальный, театральный, изобразительных искусств, литературно-издательский, научный, финансовый (обязательно).

IV. Общие замечания.

1. Всероссийская Конференция Пролеткульта на основах, утвержденных Всероссийским Пролеткультом, составляется из делегатов, районных, городских и областных Пролеткультов.

2. Всероссийский Совет Пролеткульта существует на основе устава, принятого Всероссийской Конференцией Пролеткульта.

3. Проводя определенный организационный идейный план работы, утвержденный Всероссийским Советом Пролеткульта, местные Пролеткульты пользуются полной свободой в методах осуществления поставленных задач.

4. Все организации должны стремиться жить на свой собственный счет, в особенности, если имеются предприятия.

5. Районные и областные Пролеткульты должны согласоваться территориально с районными и областными профессиональными союзами.

6. В целях контакта с Отделами Народного Образования Пролеткульт посылает в Отдел своего представителя и обратно.

Хроника.

Наш театр. В номере 9 нашего журнала была напечатана статья Н. М. «К организации пролетарского театра». Мы — работники пролетарской арены — хотим высказать свой, несколько иной, взгляд на пролетарский театр.

Ближайшей задачей пролетарского театра является пропаганда борьбы за диктатуру пролетариата, за эти врата к социализму.

Театр должен быть революционизирован.

Мы—пролетариат и, подходя к старому театру с нашей классовой точки зрения, которую отбрасывать совсем не собираемся, да и не можем, если бы того и захотели, мы видим в нем, как и в других отраслях буржуазной культуры и искусства, тончайшее орудие воспитания масс в духе господства одних и подчинения других. Это мы и называем буржуазным в театре.

Этот элемент создан буржуазией и для нее расслабленной интеллигенцией времени упадка,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Участвуют—П. Арский, П. Безсалько, Я. Бердников. А. Гастев, Горемыка †(*С. Ефремов*), Грошик (*С. Копейкин*), В. Игнатов, И. Ионов, Ф. Калинин, И. Кедр, В. Кириллов, И. Кузнецов, К. Лоптин, А. Луначарский, Н. Отсоли, В. Полянский, А. Поморский, Илья Садофьев, Самобытник (*А. Маширов*), Н. Тихомиров, В. Торский и друг.

Адрес конторы и редакции: Петербург, ул. Пролеткульта, 2. Тел. 5-89-41.

Содержание № 2—3.

отведен, но преступник не выпустил бы своей жертвы, если бы не раздался звук трубы, оповестивший прибытие нового губернатора, который арестовывает Пизарро и освобождает Флорестана. Мрачные хоры заключенных, яркие протестующие звуки Флорестана, поэзия его свободных песен, задушевная, но и энергичная ария преданной Леоноры (еще так великолепно характеризованной в трех увертюрах, носящих ее имя), радостные фанфары освобождения: все это принадлежит композитору, для которого свобода была чем-то священным и непреложным...

Музыка к гетевскому «Эгмонту» (увертюра, песня Клерхен и т. д.)—одно из высших выражений бетховенского гения, чему не приходится удивляться: композитору пришлось здесь обрисовать свою любимую тему: героическую борьбу народа (средневековых Нидерландов) за свободу. Граф Эгмонт, носитель свободного духа, правда, гибнет от козней свирепого ставленника испанцев — герцога Альбы, — но его смерть окончательно подымает угнетенный народ. Вот Эгмонт в тюрьме; ночь, но близок рассвет, близка казнь; уже слышны барабаны правительственных войск; мечты о любимой Клерхен сменились суровыми думами о родине; но вот Свобода, в лице красивой девушки, возлагает венок на голову героя... Несколько искусственный и фееричный апофеоз отразил, тем не менее, свободолюбие композитора и поэта.

Нас ждут более глубокие доказательства революционности бетховенского искусства. Я хочу, именно, сказать, что революционна прежде всего предпринятая им реформа симфонии, того музыкального жанра, который зародился у представителей мангеймской школы и Гайдна, незадолго до появления Бетховена, но, в сущности, влачил жалкое (не столько в музыкальном, сколько в общественном смысле) существование. Ведь обратить «застольную великогерцогскую музыку», при которой скрипки заглушались звоном стаканов (такою, именно, была добетховенская симфония), искусство самого поверхностного «господского» развлечения,—в симфонию психологическую, общественную и общечеловеческую, проникнутую трагико-героическим, совсем уж не застольным, духом—значило совершить акт величайшей общественной важности, а это сделал Бетховен! Прочь, короли, герцоги и графы, бездельники, спесивцы и эксплоататоры, от святого дела искусства! Не к вам, позорно прожигающим жизнь, обратится моя песня, а к тем, которые, ценою страданий, получили право на мое искусство глубоких переживаний: к народу, обществу, интеллигенции;—так думал титан музыки, расковавший цепи, наложенные на симфоническое искусство вековыми предрассудками.

Но это еще не все: в бетховенских симфониях мы прозреваем тип революционного героя. На первый взгляд, это—полководец Наполеон, которому посвящена «героическая» (третья) симфония, но Бетховена привлекали в нем черты революционной Франции—и первое посвящение «героической» было заменено другим (князю Лобковичу), как только определилась нравственная личность корсиканского выскочки, его позорный «переворот 1801 года», задушивший французскую революцию. Мне нравится, что Бетховен затоптал ногами свое первое посвящение: в величественных звуках симфонии ему хотелось выразить, конечно, не наполеоновское нахальство, не наполеоновское «пушечное мясо», а тип героя-республиканца, свойственный новой, молодой Франции. Вот герой борется с врагами свободы (первая часть), а вот он—мертв, и в честь его раздаются величественные, геройски - прекрасные звуки „похоронного марша“; но идея его не умерла—и благодарные поколения несут к его памятнику венки (финал симфонии). Революционный герой эволюционирует в пятой и девятой симфониях — лучших продуктах бетховенского гения. Я сказал бы, что здесь господствуют высшие абстракции: нравственного героизма (борьба с судьбой в „пятой“) и героизма умственного (богоборчество — в „девятой“), но основной тон все прежний: мятежный, протестующий, революционный.

Прозорливый революционный гений, наконец, прибавил к оркестру хор, в финале своей „девятой“ симфонии, — как символ народа, символ соборности и вселенства, в противоположность тогдашнему оркестру, символизировавшему „инструментальные забавы“ польской и венгерской знати. Он заставил его интонировать шиллеровский гимн „К радости“, чтобы подчеркнуть радость вселенского братства, светлые надежды на братство народов. „Обнимитесь, миллионы“—вот что поет его гигантский хор: предвосхищение идей Интернационала в такое время, когда вся Европа была залита кровью от наполеоновских войн.

А. Коптяев.

(Продолжение следует).

Пролетарская культура.

Слово 1-ое.—К циклу слов о пролетарском театре.

Человечество на заре величайшего возрождения и возможностей. Радость предчувствия тому разлита по всей вселенной. Только слепые и глухие не слышат творческих, строительных звуков, рождаемых миллионными ударами молота миллиарда человеческих рук повсюду.

Мир ныне—огромная кузница, в пламени наковальни которой куется новая, прекрасная, свободная жизнь, где не будет места преклонению перед сильными и бездушному порабощению правом золота и предательства.

Так ли это?

Вслушайтесь в самое малое биение жизни, и вы узнаете, что это так.

Слепые—самые несчастные теперь.

Слепые духом, волею, сердцем и мыслями...

Товарищи! Среди многих возможностей и путей, открываемых жизнью, самый яркий и радостный: творчество. И в нем наиболее увлекательное—живое воплощение лучших предчувствий неизбывной от века веков красоты.

В чем она, эта красота?

Прежде всего в живом человеке.

В теле его, воле, песнях, слове, уме, вере и, наконец, в возможности непосредственно все воплощать им самим.

Это больше всего.

Отсюда такое устремление к театру, в переживаемое нами бурное, творчески-строительное и творчески-пророческое время.

При мыслях о театре в наши дни, более, чем когда-либо, встает во всей полноте, требующей немедленного разрешения, огромный вопрос: каким должен быть теперь театр, и каким не смеет он быть?

Я задыхаюсь от радостной возможности дать ответ на этот вопрос. Почему я так дерзновенно беру на себя право его разрешения?—Да потому, товарищи, что я вырвал его у вас же самих.

Незаметно для вас я подслушал его у вас.

К вам и обращаюсь я, товарищи, рабочие—девушки и юноши молодого могучего племени новых строителей новой жизни в человечестве: вы, идущие толпами к новым аренам, смело идите к ним! Прочь мимо старых и затхлых коробок, которые называются театрами, прочь от этих кунсткамер, где, как кошмарные тени, шамкают старые лицедеи старые прожеванные истины!... Ради всего вашего будущего—прочь от них! Они ничего не дадут вам, кроме отвислых животов, подведенных глаз, нарумяненных щек,—искусственных слов и мертвого духа. Их красота—это пыль, искусно превращаемая под волшебными стеклами в химерические, не существующие узоры. Старое общество—старая жизнь—не больше, как химера. В прошлом, в том прошлом, где человек был рабом, все обман. Не бойтесь сказать себе это прямо и раз навсегда стряхнуть прах с ног своих от этого прошлого!

Только там, где не будет рабов, красота подлинная — необманная, нехимерная. В будущее пусть устремляется дух ваш с силою и страстью ему присущею.

Что же нужно для этого? Я скажу вам: человек. Че-ло-век прежде всего. Сам он, и ничего больше.

Долой поддельные ланиты, румяна, дутые формы, фальшивые слова! Долой вместе с ними и слова заученные, слова чужие!

Творите новые, творите сами, вы, те, которые непосредственно ступаете по пути воплощения!

Пусть этот путь для вас—весь человеческий мир!

Ищите свою арену, друзья, не в затхлых, пыльных и душных коробках, где путаешься в кулисах, слепнешь от темноты или от искусственного света, где отравляешь тела ядами красок, ставишь себя на ходули, или одеваешь шутовские наряды, чтобы забавлять сытую и почтенную публику! Нет, прочь отсюда,—бегите смелыми, бодрыми веселыми в другие места! Пусть ваша арена на мировом пути стоит для вас везде и всюду, где вы есть, и на ней вы, какие вы есть, или какими вы станете и можете стать, как новые, сильные, полные боевого огня люди, горящие пламенем революций и созиданий!

Я уже сказал вам: ваша арена—весь мир.

И я еще сказал вам—она везде и всюду, где вы есть...

Не значит ли это, что она может быть и у моря, и на горах, и на прибрежных скалах, и на песках, и, наконец, на цветущих полях, где золотая рожь, и цветы, и колосья.

Не значит ли это, что она в каждом месте, в каждой комнате и в каждом доме, где бы вы ни появились: не значит ли это, что она на лугах, у тысяч изб, и на площадках перед заводами.

Она везде... везде...

Она в вас прежде всего.

Если вы ищете света, берите его у солнца.

Это единственный свет, который смеет освещать ваши тела и ваши улыбки и позволять видеть другим ваши глаза, когда будете вдохновенно что-либо петь или нести людям.

Свет солнца, и только его.

Вот наша арена!

Вот то, что мы хотим и должны хотеть.

Все остальное перед этим не смеет быть... не смеет даже дышать... даже существовать.

Товарищи, мы начали Уитмэном.

Он заставил нас вдохнуть соленые запахи и почувствовать человека, море и солнце. Не вместе ли с ним говорили мы каждому: «Кто бы ты ни был, будь моею поэмою»!

Так будем же последовательны!

Полвека тому назад пророческий старец бросил в мир только один жест...

Прочь от смерти к жизни!...

Теперь человек завоевывает ее, эту жизнь... Идите же вы, воплощающие, впереди нее и бойтесь больше всего плестись или отставать!

Тогда ужас и смрад... шамкающие губы заплюют вас своими слюнявыми истинами; мертвецы отравят вас своим смрадом...

И вы задохнетесь и умрете!

Возможна ли борьба с мертвецами? Нет. Бежать от них—вот единственное разрешение.

К новым грядущим аренам путь ваш!

Скажем же во имя этих арен: Да здравствует наша арена молота и созиданий, на которой куется нами первый рабочий театр!

О нем непосредственно в другие разы. Теперь же пусть мое слово станет вступлением к циклу мыслей, которыми мы не раз уже делились друг с другом, и которым настал час своего воплощения.

Для всех, кто идет с нами, кто хочет быть с нами, и кто будет с нами.

К нам же идет и с нами будет весь мир.

Этот мир завоевывает все человечество во всем своем целом.

В первый раз он, видимый мир, у пути своего явления для человека, и только потому, что человек в первый раз подошел к последней гармонии, к воплощению права для себя во всем своем целом на весь видимый мир.

Это право возвещает первая победа трудящихся великой мировой революции.

Да здравствует же эта победа! Да здравствует братский союз трудящихся! Да здравствует мировой пролетариат, его мировая культура и его мировая гегемония! И с нею вместе, да здравствует и наша юная пролетарская арена, бурно пропевшая гимн новому бурному творчеству!

А. Мгебров.

Театр и Революция.

Что такое театр? Театр—зеркало жизни, в котором отражаются все исторические эпохи народов. Театр—сама жизнь. Театр—школа жизни. Театр—арена идей.

Что такое Революция? Революция—насильственное изменение существующего уклада жизни. Борьба за Справедливость. Введение взамен одной культуры другой и утверждение новых идей.

Театр зеркало жизни, и в нем отражаются все исторические эпохи государственной и общественной жизни народов; и оно отражает не только быт народов, но их историю в мировом масштабе государственных *господств* и *падений*. Античный мир переливался всеми огнями радуги в «Театре-Храме» (понятие языческое), который дал нам в Греции, помимо Олимпийских игр, праздников Диониса, Аполлона, Деметры, целый цикл великих трагиков: Софокла, Эсхила, Эврипида и других драматургов. Они правдиво отразили Этику, Религию, быт и строй этого народа. До тех пор, пока строй Греции делил граждан на классы господ и рабов, пока религия давала богов и государственный строй—царей, весь уклад данной эпохи неотъемлемо отразился в античных классиках. И как только против царства царей «рабы» поднимают знамя борьбы, тотчас в театре начинают ставить сатиры Аристофана на существующий строй, и высмеиваются старые боги и цари.

При господстве богов и царей на сцене театра изображалась главным образом жизнь небожителей и царствующих страны. В это время страдать, любить, властвовать и наслаждаться жизнью могли только цари и боги.

Римскую Империю и железную тиранию во всем ее ужасе великолепно отразил Театр-Колизей—цирк, где императоры и тираны наслаждались борьбой патрициев и плебеев. Театр, превращенный в цирк, был подлинной ареной злобы, глупости, кровожадности, тирании и порабощения одного класса другим. На «рабов», людей «негодного» класса, к которому причислялись и «христиане», выпускали хищных зверей, устраивали зажженные живые факелы, и разъяренные звери разрывали в куски человеческое мясо. В ложах восседал Император, Тиран, патриции и патрицианки, усыпанные драгоценностями, и весело смеялись, глядя на кровавую трагедию. Писать трагедий не приходилось: сама жизнь претворялась в трагедию. Тиранам часто для их зрелищ не хватало Колизея и цирка, и они устраивали триумфальные шествия. Знать восседала на золотых колесницах, а «рабы», погоняемые плетьми, везли их и толпами изображали все, что угодно было тиранам, женщины нагие шли за колесницами. «Рабов», не хотевших участвовать в позорном шествии, били и часто просто убивали. На арене

Римской Империи глубоко страдали христиане, так как их религия считалась религией «восставших рабов».

Когда Римская Империя перестала быть Великой и пережила себя, и народ несколько освободился от тирании, то и театр дал *новое*, пройдя через мытарства. Театр перелицовывался столетиями и дал народный театр быта Гольдони и его врага Гоцци. Гоцци это—благородная петрушка своего времени. Люди сменили имперское рабство на рабство мещанское. На сценах театра кривлялись Арлекины, Панталоне Носатые, Коломбины и всякие балаганные герои, да и сама жизнь в эту пору на половину была балаганом. Христианская религия восставших также перелицевалась, и класс господ хитро отделил «театр-храм» (понятие языческое) от «театра-церкви» (понятие христианское). Театр отделился от единого начала жизни и стал лже-святилищем, церковью, где главным актером и тираном сделался Папа Римский. Театр же отделили и сделали забавой, чертовщиной, тогда как в Греции «театр-храм» был един: и жизнь, и ее идеи, и творчество.

В средние века театр также отражает весь уклад жизни. Цирки превратились при феодально-помещичьем строе в турниры. На турнирах сражались только благородные «рыцари», и такими удовольствиями могли пользоваться только феодалы-помещики, а народ тешили балаганами с скоморохами.

Для пропаганды новой тирании церкви среди народа допускались мистерии из жизни Христа и святых. Древняя борьба с рабами перешла в изуверскую борьбу с якобы не верующими в религию Христа.

Как только восторжествовала королевская власть, то мгновенно театр превратили в коробку, и создается цикл классических пьес, в которых прославляется величие королей и владык и даже сама дочь народа—Орлеанская Дева—садит короля на престол. Появился ряд придворных и непридворных драматургов, изображающих пышность и великолепие королевского двора, с его интригами, коварством и презрением к народу.

В Англии культ королей процветал во всем блеске. На этом фоне явился Шекспир, гениальным пером, как в зеркале чистом, изобразивший этику, быт и строй королевской эпохи. Шекспир—дитя своего века и с нашей классовой точки зрения покривил справедливым отношением к классам. Во всех его пьесах изображены страдания благородных королей—Лир, Ричард, Генрих и т. д., принцев крови—Гамлет, Ромео, Юлия, Отелло—вождь мавританский. Во всех трагедиях красивая, пышно-нарядная знать пользуется всеми благами, а народ является только фоном. Народ неумытый, нечесаный, грязный, черный, хотя порою мудрый, изображает могильщиков, актеров, слесарей, плотников, и им отведено третьестепенное место. И только позднее гении справедливости, прячась за античную тогу, порываются брать героев из порабощенных, и к нашим дням Шелли написал «Освобожденного Прометея».

В Испании королевская и духовная власть дала нам Кальдерона. Расцвет же подлинного народного театра оставил блестящую эпоху Лоппе-де-Вега, Тирсо-де Молино и других. В Испании, где народ *часто* поднимает восстания против королевской власти, мы находим в многочисленных трагедиях Лоппе-де-Вега героинь и героев народа, где то крестьянская девушка поднимает народное восстание, то отец-крестьянин вступается за честь дочери. В маленькой Испании частые восстания дают просветы в государственной жизни, и тотчас это отражается в театре. Цирк Римской Империи в Испании переродился, и в нем происходят только бои быков. Наконец, Сервантес высмеял рыцарство и мещанство и очистил воздух для нового творчества.

Во Франции те же законы. Императорская власть во всем блеске отражалась в полуантичных тогах Корнеля, Расина. Версальский двор любил античность, и драматурги любимых героев венчали в лаврах Андромах, Федр, Цинн, Сарданапалов и т. д. Но этого было мало, и двор свой блеск перенес во дворцы, где пышно, театрально наряжались придворные, и устраивались балы, праздники и кортежи. Была аристократия, знаменитая французская аристократия и народ—«peuple», от родного корня плебей. Каков был строй, таким его опять отражал театр. Только во время французской Революции народ устраивал свои праздники, пел свои песни и давал свои представления. Как только жизнь меняет свою физиономию, тотчас является Мольер и бичует общество, и Виктор Гюго дает незабываемые образы борцов за свободу.

Германия идет тем же путем: средневековые турниры, мистерии, балаганы и пышно-имперские представления трагедий, комедий и даже опер. Гений Шиллера нередко был подвластен указам имперских законов. В то время нельзя было любить принцу крови простую крестьянку. В «Коварстве и Любви» Фердинанд не может любить Луизу, потому что он «принц», а она—дочь жалкого музыканта. Одна эпоха государственного строя и быта во всей Европе, и театр ее отражает однородно: «Ромео и Юлия» Шекспира гибнут, так как уклад Англии и Германии одинаков. Во всех странах народ стучится в двери свобод, и являются «Вильгельм Телль», «Спартак» и другие герои, которых выводят гениальные трагики.

В России та же картина. У народа свое зарождение театра, весенние игры, песни, встречи солнца, праздник жатвы, прибаутки, хороводы, заговоры, колдовства и чародейства. Жизнь народа, близкая к природе, сказывается в зачатках теат-

ральных действий. У русского царского двора начало театра далекое от народа. Заезжий немец привез худшие, как варварам, пустые комедии, скоморошины французских плясунов и всевозможных кривляк. Забавлялся пустяками двор, и то же делал театр, отстроенный на манер королевских коробок. Позднее даже сама Екатерина писала шутливые комедии, но играть комедии считалось позором, и потому комедии «ломали» крепостные. Помещики плетьми «дрессировали» крепостных «девок» и «парней», и им приходилось изображать непонятных «Андромах», и сумасшедших «Кассандр», и троянских «Менелаев»; но крепостных били, и они изображали и «Ахиллов», и медведей в отстроенных «театрах», на манер немецких и французских. Но у себя народ пел песни, как в неволе [illegible] его «баре». Царский двор впитал и вкусил в своем театре все прелести европейского стиля.

Играли королей, принцев крови, рыцарей, Федр, Дон-Жуанов—милых аристократов, повес и т. д., и т. д. В государственной жизни народился новый класс—купечество, и правдиво эту эпоху отражает Островский. «Темное царство»—купечество бичует Островский вот уже полстолетия, и до сих пор он отвращает нас от пороков этого класса на современных сценах. Вскоре овладела умами общества интеллигенция, и пришел в театр Чехов, осмеявший ее, безвольную, слабую и мятущуюся. Наконец, первой вестницей Революции явилось «На дне» Горького. В 1905 г. был дан большой сдвиг—Революция охватила всю Россию. Конечно в театре отразилась и она. Театр Комисаржевской превратился в ту пору в театр «крамолы», и в нем часто шли пьесы Горького—но ведь он все-таки для того времени был только талантливый босяк. Театр Комисаржевской одни любили, а *другие* презирали и гнали, и в конце концов Комисаржевская кончила жизнь сломленной. Сдавили жизнь—сдавился и театр. 10 лет реакции отразились на театре. Играли пьесы только великосветской жизни с любовными сюжетами, говоря только об эротике. «Театр только для театра» начали говорить, «искусство для искусства». К этому моменту роскошно расцвел балет, восхитительный, увлекающий весь мир царский гарем. Двор гордился им и показывал иностранцам Спящих красавиц, Шехерезад, дочерей Фараона! Драма была только любовная, а трагедии классиков были слишком тяжелы для пищеварения. Как только в жизни происходила государственная катастрофа власти, цари тотчас шли убедиться в театр, что они еще сильны, и им пели «Б. Ц. Х.», и солисты Величества припадали к ногам. Но пробил час. Все, что было угнетено, унижено—встало. Царский режим пал. Царский театр начал падать. Красное полотнище февраля раскинулось над столицей. Народ требовал Правды, Справедливости и свержения насильников. Все театры были закрыты. Места героям имперских сказок не стало. Театры превратились к марту в арену митингов. Почему? Да потому, что театр—сама жизнь. Жизнь на этот раз не шутила и хотела не пошлой комедии, а восстановления человеческих прав и беспощадно смела скоморохов. Наступило строительство новой культуры, культуры равных прав человека, свободы, любви и братства. Старый театр стал цепляться за классиков, но народ их не принял. Ведь как бы то ни было, классики часто изображали королевско-имперские страдания и сознательно забывали страдания народа. Народ, рабочий, трудящийся и ничего не имеющий, для об'единения народа всего мира назвал себя пролетариатом и стал творить культуру Мировой справедливости для народа всего мира и назвал ее культурой Пролетариата. Жизнь бросила новые идеи, и театр неуклонно начал изображать достижения Революции. Взрос новый, огненный цветок Революции — Пролеткульт. Пролеткульт, как птица Сирин, запел *свои* песни, *свою* радость. Театральная Арена Пролеткульта сказала: «пройду мимо классиков. Мирно почивайте в гробах: Софокл, Эсхил, Корнель и Расин, Шекспир и Шиллер, Островский и Чехов. Не приму—не потому, что недоступна пониманию Арены прекрасная форма, а потому что у них не было сил тиранам, царям и властителям до конца сказать, что «владыки были преступны», и что не должно быть «господ и рабов». Арена Пролеткульта это подлинный театр момента борьбы Пролетариата. Новые идеи, новая культура, новая этика, новая Арена театра.

Произойдет Мировая Революция, и вслед за ней создастся Арена Мирового Пролеткульта. На современном новом театре Революция отразилась рождением «Рабочих Театров» и *Театральной Арены Пролеткульта*, агитирующей только идеи *Рабочего класса* и Мирового *Пролетариата*.

Виктория Чекан.

Грядущий Октябрь в искусстве.

(Изобразительное искусство).

1-я часть. Академизм российский.

Этика интеллигентского капиталистического общества поучала: искусство должно быть прекрасно, оно—украшение жизни нашей; оно служение обществу и религии; оно должно удовлетворять изысканный вкус или поучать народ нравственности и культуре (конечно, капиталистско-империалистской).

На этом основалась академия российская по примеру запада.

Ее профессорами-эпигонами и питомцами усиленно культивировалась благородная картина и статуя. Натура поэтизировалась, прихорашивалась по образцам, прививалась анатомическая правильность, изгонялась „отсебятина", т. е. личный замысел картины помимо профессорских образцов, а ими проповедывались изящная классическая поза и расположение фигур по антикам и Рафаэлю. Так производились долгое время красивые, по вкусу общества, образцы российского художества. Неизменно вытравлялась самодеятельность юношей, и неизменно надевались золотые очки аристократического капитализма.

Но пришли из народа молодые буяны, полюбили вдруг лапти, мужичков, сермяги. Повеяло народничеством. Буянов сначала вытурили взашей из академического святилища, но когда чиновные старики перемерли, и в обществе обеих столиц выросли поучительные народнические тенденции, то народнические революционеры, впитав вкусы общества, сами об'академились, нашли потребителей и вставились в золотые рамки картиночного производства.

Под конец 80-х годов народники-передвижники совсем сделали свое искусство красивеньким, под натурку, произведением с литературно-поучительным рассказцем по вкусу буржуазной публики (последние их столпы—Маковские, Савицкий, Богданов-Бельский исписались в конец. См. последние выставки передвижников). Сделались передвижники профессорами-академиками, и стало законом всякого творчества художественного: натурщик для учения в классе, любой портрет, как натурщик, комбинации натурщиков и натурщиц то голых, то в костюмах на картинах и в скульптуре, и все это с рассказцем по вкусу народничества вообще.

Пейзаж даже стал натурщиком.

Расцвел этюд (образцы см. выставки картин Передвижников и весенние) в последние годы перед революцией.

Точно был об'явлен конкурс кустарей натуралистов живописцев с фабричным производством кинофильм с его фатографическим об'ективом. В конце концов натурализм заполонил умы, придавил и выветрил творчество. Рисовать и писать могли только с натуры, не отходя или как в натуре.

Холсты и гипсы последнего десятилетия эпигонов обновленной академии выродились в манерный декаданс и в „приемчики" по поводу натуры.

Еще до февральской революции Передвижники и Общество весенних выставок, как художественные общества, изжили себя. Изманерничались, впали в декадентство (упадок искусства), вместе с буржуазной интеллигенцией, и в угоду ей распродались идейно.

Так потоптали питомцы академии старые академические устои и революционные идеи первых Передвижников своим беспринципным, поверхностным натурализмом и сгноили куплей и продажей мозг какого-либо творчества.

Левая молодежь из академических казематов, поощряемая буржуазной интеллигенцией, бывшей за границей, зарилась на заграничное, на более модное. Натискала модернизм и буржуазную пошлятину академий запада. Наплыл новый слой художнического болота. Творить, бороться в поисках новых основ, мыслить конструкцией академисты не смогли.

Как редкие исключения, поднимались из натуралистски-картиночного болота сознательные художники, искавшие свой индивидуалистический путь в искусстве.

Это были одинокие таланты-натуралисты, заглядывавшиеся на реализм (напр., Серов, Суриков, и Репин), работавшие над творчеством, комбинировавшие натуру с определенной задачей (при чем Серов был отражением интеллигентско-светского вкуса. См. его портреты и картины. Репин, начав с бурлаков, затем расплылся, обуржуазился. См. его „Дуэль" или „Совет" и др. портреты. Один Суриков до конца своего творчества сохранил строгое народничество).

Реакцией против академического натурализма питалось общество художников-интеллигентов „Мир Искусства".

Это было содружество индивидуалистов. Путь их в искусстве лежал в гробокопательстве. Сплошное зарывание в прошлое (аристократизм и дворянство). Их выставки картин ясно показывали, как занимались авторы перелицовыванием старых избитых истин старинной жизни и предметной обстановки и обсасыванием старых мотивов изображения.

Все художники Мир-Искусники по своему каждый дудил под старинку: Парижский Версаль,

помещичья аристократия, Пьеро и Пьеретта или нечто древнее. Вот любимые нескончаемые мотивы их творчества и все с машиной, с настроением под вкус. „Милая дедовская старина“, красивенькие картиночки пришлись по вкусу пресытывшейся и упадочной интеллигенции. Ал. Бенуа, Сомов, Рерих, Билибин—вот столпы в художестве реакционной культуры и разочарованной в новой жизни интеллигенции. Яркие мастера индивидуалисты, как Врубель, туго принимались в начале и в эту среду. Но культура интеллигентского духа времени заставляла их все-таки принимать и потом гордиться аристократизмом творчества мастера и новизной индивидуальности.

Средину меж академическим и неоакадемическим течениями в искусстве заняли художники Нового общества, Независимые, Союз Русских Художников и мн. др.

Все они, расжижая то и другое течение, развивая кружковщину, стояли на золотой середине.

Их искусство—это художество недодуманной мысли, переходного состояния, половинчатости с привкусами дилетантствующей средней интеллигенции.

Российский Империализм аристократов убил веру в Бога, а с ней и искусство монументальное, церковное.

Капитализм закупил в рабство интеллигенцию с ее деятелями искусства и растлил в конец современное искусство, как вольное творчество человека.

Господствующий класс, сгнивая, сгноил и свое классовое творчество.

В смертный час интеллигентское искусство отдалось прошлому—старине.

Эти гнившие тенденции в искусстве, эти упадочные вкусы академического и неоакадемического художества распространялись журнальными репродукциями и картинными выставками и воспитали с детства в нас в огромном большинстве современных революционеров упадочно-интеллигентские вкусы к чистеньким картинам и статуям и дилетантские привычки к задачам искусства.

С великой Октябрьской революцией, с падением Академии Художеств, академисты лишились своего поощрительного центра и, посаботировав вдоволь рабоче-крестьянскую власть, изголодались, а через год с октябрьскими праздничными заработками, предоставленными широко всем желающим, поняли хлебные свои задачи. Перекрасились в профессионалов-работников, благо—вкусы руководителей Совета Профессиональных Союзов оказались подходящими, и новые профессионалы прилипли к новому хозяину.

Недолго думая над новыми задачами искусства, „профессионалы“ наплодили по старой привычке кучи иллюстрированного, картиночного и статуэточного хлама, поощряемые упадочно-дилетантскими привычками и вкусами новых хозяев.

Правда, что „новые произведения“ имели литературные сюжеты под революцию: (красные флаги, молот, трубы) и под рабочих: (рубашки, блузы, передники).

Но это все дряблая, предметная, фигурная стряпня, бесформенная и тому же, была бесхребетной, грубой подделкой под натуру, под революцию, под нечто для рабочего народа.

И можно предвидеть, что путь их дальше этой перекраски в коммунисты и подделки под якобы пролетарское, бессмысленная срисовка предметов, бутафорские притычки молотов, цепей, колес и флагов, конструктивная нереальность изображения, нелепость художественная растрепанных фигур в блузах и фартуках или в лаптях, позирующих с пошло театральными манерами.

Вот что плодится этими „профессионалами“ и, прихорошенное чистенькой бездарностью, заполняет теперь наши почти все советские издания, конкурсы и заказы.

Вот что насаждается на удивление трезвому реальному пролетариату.

Обыденная фотография становится величественным произведением рядом с этим „художеством“. Об'ектив фотографа—механический протокол совершающейся Великой Революции, а эта дряхлая стряпня—ложь на Пролетарскую Революцию.

И эта ложь не имеет права окружать наши огненные лозунги.

Пролетарская борьба и жизнь и огонь пролетарской революции никак не отразятся честно в подделках и в произведениях академического интеллигентского мировоззрения.

(Продолжение следует).

А. Андреев.

Поездка Театральной Арены Пролеткульта на Западный фронт Красной Армии.

В лютый декабрьский вечер Пролеткульт в двух направлениях отправился на фронт. Одна группа поехала на Северный—к Архангельску, а другая—на Западный. В первом направлении направился хор Пролеткульта в сопровождении чтецов-декламаторов. В данном случае поделимся впечатлениями от поездки на Западный фронт, куда отправилась вся Театральная Арена Пролеткульта, артисты, аренцы, студисты, хор, художники, плотники, бутафор, костюмеры. Всего, вместе с администрацией, выехало около 100 человек. Репертуар составлял: вечер Уот Уитмэна, вечер Гастева и Кириллова, «Взятие Бастилии» Роллана, «Каменщик» Безсалько, «Восстание» Верхарна и доклад Мгеброва о пролетарской культуре. Отправились по военному—в тесноте. Два вагона, где помещалась Арена, были битком набиты. В скором времени бодро двинулся наш театральный эшелон под звуки Интернационала. Молодежь горела, трепетала и, прощаясь с Красным Петроградом, декламировала в революционном экстазе стихи.

На утро Арена была уже в Пскове. Псков еще носил на себе следы немецкого пребывания—на заборах грозно гласили правила порядка городской жизни. И действительно улицы были чисто выметены. В Пушкинском театре вечером другого дня был дан первый спектакль. «Взятие Бастилии» собрало псковичей и полки Красной Армии. Спектакль прошел блестяще, и Красный Псков по-братски ответил Красному Петрограду в ярком чувстве возглашая единение. Наш революционный концерт, данный после Бастилии, прошел с успехом. Вместе с публикой пели «Смело, товарищи» и «Интернационал». На второй день театр был также полон. Ставили «Каменщик» и «Восстание» Верхарна. Все было хорошо, нравилась и пьеса, и постановка, и игра, но только [illegible] недоумевали, зачем трогают Бога в «Каменщике», и зачем в «Восстании» проносят крест, к которому тянутся в отчаянье женщины. Псковичи в больших переживаниях не все осознали. Но третий вечер Уот Уитмэна с проповедью вселенской любви и доклад Мгеброва о пролетарской культуре примирил окончательно, и опять звучал Интернационал. Новый Год Коммуны застал нас в Пскове, и мы в столовой псковской бедноты его встретили в дружной пролетарской семье. Арену пригласил на этот вечер Котлов, ведающий этой столовой, гроза псковских спекулянтов и защита псковской бедноты. Арена была на высоте: пели и декламировали без конца пролетарских поэтов. Через два дня Арена выступала уже в Валке. Городок Валк—маленький, скученный, узкий, сытый. Сразу бросаются в глаза откормленные лица местных жительниц, в любопытстве шмыгающих по главной улице. Разноязычие толпы влекло, и думалось, вот оно близкое братство народов, где наречие не поселит вражды, и глаза встретятся в радостной улыбке. Красная армия открытыми, смелыми, мужественными лицами украшала этот серый городок. «Взятие Бастилии» собрало полный зал, и обыватель Валка был ошеломлен стрельбой в театре. Третий акт «Бастилии» прошел в колоссальном нерве, тем более, что в театре были задержаны какие-то очень важные белогвардейцы. В воскресенье днем был устроен спектакль: ставили «Каменщик»; пролетарский концерт и доклад Мгеброва подняд настроение, а вечером коммунисты выступали на митинге-концерте, где Арена дала концерт коллективного творчества. В Валке Арена не застряла, а отправилась в Юрьев, где решила сделать более продолжительную стоянку. В Юрьеве Арена пробыла неделю, где пришлось ей пережить от радостного до горького включительно. Мы назвали этот городок благополучия «городом Гулливера», где домики, как пряники и карточные замки. Маленькие буржуи-лиллипуты ходили беззаботно и недоверчиво смотрели на «крас-

ных». «Вы, мол, свое, а мы-то, мол, по своему; мы маленькие, но нас здесь много». В нетопленном театре какого-то барона мы играли нашу жаркую июльскую «Бастилию». Пришли смотреть спектакль и эстонцы-обыватели, помимо коммунистов и нашей Красной армии. Интернационал эстонцев-обывателей явно не зажег. Но после второго спектакля в холодном баронском сарае, где Арена стоически поставила и «Каменщика», и «Восстание», нам отвели эстонские коммунисты эстонский театр, и при переполненных аудиториях повторила Арена два предыдущих спектакля; затем прошел вечер Уот Уитмэна,—вечер Гастева и Кириллова. К концу пребывания в Юрьеве замечалась уже кой-какая тревога: долетали вести, что фронт совсем близко, десяток верст; белогвардейцы [illegible] снабжают всем, есть даже танки, не говоря о бронированных поездах. На последнем вечере Кириллова комендант города предупредил нас, что надо кончать скорее, не затягивать, не то может случиться для нас большая неприятность. Арена продолжала гореть энтузиазмом. Кончив концерт, отправилась спать. Как оказалось, был заговор: около 11 часов ночи окружить театр и переловить этих странных артистов. Около 9 час. утра, на следующий день, фронтом был уже пряничный Юрьев и вокзал, где стояли и наши вагоны, прицепленные к сборному составу, у которого не было паровоза; по странной случайности никак нельзя было отправить нас. Бой приближался, раненые искали, где сделать перевязку; уехал и санитарный поезд, начала рваться шрапнель. Арена безоружная должна была почти принять бой. Искали винтовок, патронов, нашли; винтовки оказались заржавленные, стали чистить. Один из наших коммунистов пошел на станцию,—приставил местному обывателю-начальнику по станции браунинг и сказал «пуля в лоб или паровоз!» Паровоз нашелся, состав прицепили. Линия боя приближалась. В городе стреляли из окон по серым шинелям, показалась конница, скакала перебитая пушка. Солдаты говорили: «Уезжайте», но веры в то, что мы уедем, не было, железнодорожный путь должны были перерезать белогвардейцы... Длиннейший поезд медленно пошел на ура. Арена уцелела. Конница оставалась на окружных опушках.

Несколько дней спустя Арена ехала на Двинск и Ригу. В пути повстречали поезд Ленина, и Арена снова дала концерт, на этот раз, на крышах вагонов этого поезда, перед собравшейся толпой, и Юрьев не поколебал веры в правоту идеи братства народов.

Двинск—это мертвая пустыня; обыватели мещане. В нем свили гнездо заезжие, многочисленные труппы. Арена решила не тревожить умирающих и поехала в Ригу.

Обыватель Риги—чистюга—встретил враждебно наш первый спектакль «Взятие Бастилии». Но и тут Арена не пала духом и в продолжение целой недели упорно выступала и, сколько могла, и в митингах и в концертах, и дала полностью свою программу: Уот Уитмэна, Кириллова, «Каменщика», Верхарна и речи Мгеброва. В праздник 9 января Арена участвовала в шествии пролетариата Риги с плакатом «Да здравствует всемирный Пролеткульт» и пела революционные гимны. Картина праздника была выдержана, строга и стройна. Играли оркестры, пожарная команда блестела касками, шли эшелоны, делегаты союзов, фабрик, заводов в море красных знамен. На Площади Коммунаров у могил, утопающих в цветах, сошлись все и хоронили убитого коменданта Юрьева. Было торжественно. Арена и коммунары пели «Вы жертвою пали» и Интернационал. Затем на площади говорили речи, а вечером на мрачном заводе в Народном Доме, всеми забытом, при газовых темных рожках Арена вновь выступала. Но Ригу все-же обрели, только не жадную, алчную, попрятавшую свое добро в кладези, а нашу братскую, и последний день был единением Красной Латвии и Красной России! В „Латышском обществе“, где враги, уходя, попортили отопление, и был от'явленный на сцене холод, Арена устроила митинг-концерт, который собрал толпу в несколько тысяч. Красная Арена не была варваркой и дала первый побег мировой пролетарской Культуры. Пели без конца и публика и Арена: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Это будет последний решительный бой». Пели и на латышском, и на русском. Аренцы сошли в публику, публика вошла на сцену. Это был первый истинный пролетарский праздник.

Арена из Риги направилась через Валк в Красный Петроград. Но в Вольмаре, уголке «Прибалтийской Швейцарии», повторилась стоянка без паровоза. В Валке уже шли ожесточенные бои, и мы приняли убитого красноармейца-товарища. После суточной стоянки отправились на Ригу-Двинск, Псков, Петроград.

В Риге мы потеряли товарища Аду Корвин, умершую в пути от тифа.

В февральское раннее утро наш театральный эшелон на подводах вез красные знамена, плакаты, бутафорию. Арена шла за отсутствием трамваев пешком в свое родное логовище. Теперь Арена часто получает письма от товарищей-красноармейцев: «работайте, и мы будем знать, что недаром проливаем кровь; да здравствует Пролеткульт, будьте верными коммунистами»!

Виктория Чекан.

Библиография.

Зарево заводов.

(Ежемес. лит.-худож. журнал, издание Самарского Пролеткульта).

В своем обращении к товарищам читателям редакция нового пролетарского журнала решительно провозглашает: „вздувайте горны пролетарской мысли, и пусть пролетарское искусство отразится грандиозным красным заревом“, и, приглашая рабочих Самары присылать статьи, рассказы и стихотворения, в том же номере, хотя и в другой статье, устами т. Трайнина предупреждает, что она „не намерена потворствовать дилетантизму“.

Может быть, этим и об'ясняется то, что в Самарском органе мы не видим ни одного пролетарского писателя, исключая Герасимова, да и этот единственный пролет. писатель впал в такой эстетизм, что все, что в нем было революционного, потонуло в море всевозможных ухищрений просодической схоластики, в море мещанских эстетических упражнений, заимствованных у „величайших мастеров“ буржуазного искусства—Бальмонта, Блока и других. Увы, эти упражнения набили нам оскомину еще в дореволюционную эпоху. К самому лучшему стихотворению Герасимова, помещенному в первом номере журнала, к „Зареву заводов“, простому рабочему нельзя подойти, не прочитав хотя бы Шульговского „теорию и практику поэтического творчества“.

В стихотворении Герасимова вы найдете все, что требует изысканная теория эстетики: и аллитерации, и ассонансы, неожиданные метафоры и своеобразность ритма, одного только не хватает: простой, искренней мелодии, которая непосредственно волновала бы сердце читателя.

Все стихотворение настолько перегружено разнообразными пестрыми метафорами, что совершенно теряется цельность настроения и единство художественного образа. Тут и „скачущие легионы от дымных фабрик и станков“, и Гоголевской тройкой „клубящая“ Россия, и лунная „золотая кувалда“, без которой не обходился ни один мало-мальски порядочный поэт, и снега полярные, прожженные „вагранки северным сияньем“ и т. п. Отсутствие сжатой художественной картины настроения, разбросанность образов приводит к тому, что поэт незаметно для себя повторяет целый ряд одних и тех же сравнений, от чего стихотворение приобретает вид шаблона. Взять, например, образ сохи или плуга—и вот мы видим в одном и том же стихотворении „свободы огненные сохи“, и „небо огненные плуги“ и „взрезают молньевые плуги“. То же самое и с заводской трубой, при чем она повторяется раза четыре: „трубой заводской свод расколот“, „трубой стальною, словно ломом“, „сгребают трубы, словно грабли“, „и трубы обронили тучи“. Да вот кстати и „тучи“. „Вот туч раздробленные груды“, „туч нарастающих секли“, „туч продымленный чернозем“. Такие же превращения можно встретить и с „копытом“, и с „вагранкой“ и с „продымленным“, и с прочими другими. И все это в одном и том же стихотворении.

А вот вам и перлы стихотворной техники, так называемые „аллитерации“: „грохочут грозно гром и гуды“, а ночи „звездотканной ризы заводы заревом прожгли“, „завод в знаменовом плесканье осветозаренной земли“, „капли на плитах плещут площадей“ и т. д. Но увы, все это пропадает бесплодно, ибо в стихотворении нет стройного, волнующего содержания, захватывающего простотой художественной правды, нет выдержанной и цельностной картины настроения. Невольно нам вспоминаются развенчанные ныне старые мастера ямба, взять хоть бы описание зимы Пушкина, где мы видим „крестьянина на дровнях, обновляющего путь“ и лошадку, плетущуюся „рысью, как-нибудь“, „жучку“ на санях „дворового мальчика“, и „кибитку“ удалую, и ямщика „в красном кушаке“. В немногих простых, понятных всякому образах поэт сумел нарисовать красочную картину только что установившейся зимы.

В ней нет ни одного лишнего штриха, ни одного лишнего слова, а тем более хитроумных оборотов и всяких преднамеренных витиеватостей. Правда, и Герасимов употребляет эпитеты из заводской жизни: „молот“, „кувалда“, „вагранка“ и т. д., и в этом хорошая сторона его творчества, но группировка их настолько изощренна и высокопарна, что они теряют свое значение. Примером надуманности может служить хотя бы вот эта строфа из „Зарево заводов“:

„И трубы обронили тучи,
От них в междымное окно
Рабочий огненно-могучий
Рассеял звездное зерно“.

Что это за „междымное окно“, в которое „огненный“ рабочий сеет „звездные“ зерна. Очень уж мудрено представить себе в тучах дыма междымное окно. А жаль, Герасимов все-таки один из даровитейших пролетарских поэтов, пожелаем же ему поскорее вырваться из временного пленения буржуазной эстетики, и перейти к действительно революционному пролетарскому творчеству, здоровому, как сама жизнь, к которому и призывает редакция журнала. О поэме „Серафим“ Надежды Павлович говорить много не приходится, слишком свежи следы на ней Блока, отчасти Клюева и др.

В журнале есть и „заметки о поэзии Ал. Блока“, вернее статья, из которой мы узнаем, что „Блок является одним из величайших мастеров стиха“, в доказательство этому к статье приложено упражнение № 1-ый, в котором вполне добросовестно

и математически верно разбирается на протяжении двух страниц журнала одна строфа стихотворения Блока... Результаты такого вычисления чрезвычайно поразительны и плодотворны. Оказывается, что в одной строфе начальная буква азбуки „А" Блоком повторяется десять раз, а затем „величайший мастер слова" отступает от порядка алфавита и вместо „бе" повторяет звук „у" не менее семи раз и т. д. Своим упражнением автор хочет научить пролетарских писателей „как надо подходить к стиху", но так ли подходил к нему Блок, и так ли вообще подходят художники к своим произведениям, для нас остается все-таки под сомнением, но то, что в данном случае мы имеем дело с одним из многочисленных поклонников Блока, по недоразумению вместо „Весов", „Скорпионов", „Шиповника" попавшего в пролетарский журнал—это для нас ясно.

Вторую статью Спасского, „Поэзия в современности", можно бы назвать продолжением статьи о Блоке. Только тут мост революционной поэзии перебрасывается от футуристов к Блоку и от Блока к пролетарскому поэту Герасимову. Вся статья написана, должно быть, под впечатлением старого, трогательного романса: „запрягу я тройку борзых", только „Любушка" здесь представлена романтической героиней поэмы Павлович „Серафим", которая, сидя в густом малиннике, с нетерпением ждет пролетарского поэта, а пока предлагает сладкие ягодки буржуазного искусства. В статье „Искусство буржуазное и пролетарское" тов. Трайнин, характеризируя буржуазных поэтов, пишет, что „в поисках новых слов, новых форм, линий и звуков они об'являют, что искусство—есть самоцель. Искусство для искусства, заявляют они. И тем самым дают направление и назначение искусству, низводя его до простого фокуса, в котором сплетаются различные комбинации звуков, линий и форм. Мы боимся, как бы и наш собрат, орган самарского пролеткульта, не впал в такую ошибку, и, судя по первому номеру, наши опасения вполне основательны. „Зарево заводов" пока является только отблеском догорающего заката буржуазного искусства, а посему и неудивительно, что в нем под слоем сыплющегося пепла очень трудно отыскать искорки пролетарского творчества.

А. М.

„Революция и церковь". (Новый журнал).

VIII Отдел Народного Комиссариата Юстиции с января 1919 года приступает к изданию нового ежемесячного журнала «Революция и церковь».

Кроме руководящих статей по вопросам об отделении церкви от государства и школы от церкви, в журнале из номера в номер будут помещаться: распоряжения центральной и местных властей и ежемесячный обзор принципиальных раз'яснений, выносимых VIII Отделом по вопросам, связанным с проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства.

Большое внимание журналом будет обращено на информационный отдел и на разработку практических мероприятий в деле отделения церкви от государства и школы от церкви.

В особом отделе «Коммунизм и Религия» редакцией намечен постоянный диспут по вопросам коммунистической морали, права и строительства новой жизни на коммунистических началах.

В журнале принимают участие: В. И. Ленин, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. И. Бухарин, А. Г. Гойхбарг, Мих. Горев, С. Гусев - Оренбургский, Демьян Бедный, А. Евтихиев, А. А. Знаменский, А. М. Коллонтай, П. А. Красиков, Н. М. Лукин (Антонов), А. В. Луначарский, Минин, С. Г. Могилевский, Н. М. Никольский, М. С. Ольминский, В. М. Познер, М. А. Рейснер, А. Серафимович, Ю. М. Стеклов, И. Степанов, Р. А. Поттенборн, Е. И. Шитко, Ем. Ярославский и др.

Подписная цена на журнал—25 рублей в год с пересылкой. В розничной продаже отдельная книжка журнала—2 руб. Подписка принимается в Юридическом Книгоиздательстве Народного Комиссариата Юстиции (Москва, Б. Дмитровка, 9).

Адрес редакции: Москва, Кремль. Здание В. Ц. И. К. комн. 8.

Первый номер журнала выйдет в свет в начале марта.

От редакции.

Ответы поэтам.

Николаю Охлопкову,—„И душе моей усталой"... Это в семнадцать лет-то?! Вот так строитель новой жизни. Наш журнал пролетарских достижений, а посему интеллигентское бездорожье и интеллигентская размагниченность на страницах нашего журнала места себе не найдут. Вы, вероятно, прислали нам стихи, не читая нашего журнала.

Николаю Окскому,—„Первомайский праздник"—Бледно, растянуто и повторение пройденного, чего не следует делать. „Мозолистые руки"—очень многословно и не продумано. Кстати, уж очень часто в ваших стихах фигурирует образ-сравнение: „как лес". „Флаги, как лес", „хоромы, как лес", „хижины, как лес", дворцы, как лес"... Ударь, говорится, раз, ударь два, но нельзя же до бесчувствия. „Красный звон" и „Пробуждение"—безнадежно слабые стихи. „Расцвет"—недурно, напечатаем. „К знанью"—перешлем в „Пламя".

Ивану Тютикову,—„Из присланного на этот раз ничего не подошло. Книжечка стихов ваших—мало обработана, эскизна, противоречива. Советуем как можно серьезней относиться к своему творчеству и больше читать хороших образцов поэзии.

А. Алисону,—стихи напечатаны не будут. Советуем сначала побольше поработать над развитием своего творчества, над оформлением своего миропонимания, а затем спросить себя, стоит рассылать стихи в редакции, или нет.

Борису Богомолову,—нам не подходит. Перешлем в „Вооруженный народ" или „Пламя".

Ник. Левшину,—„В наши дни"—нам не подошло. Напечатано не будет.

17-ая Государственная Типография, 7-ая рота, д. 26.

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

№ 5-6 1919

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ

Содержание № 5–6.

Стихи:

Проза:

Статьи:

Наша Культура:

В БУРЮ.

Закалюсь в ураганной буре,
Думы — пламень, а сердце — гром.
Моя песнь пролетарской культуре
Под бурунным взовьется пером.

Пусть по мне не грустят сиротливо
Мирный труд, многодумный станок...
Из разгневанных волн коллектива
Брошен сердцу грозовый венок.

Сердце властной покорно диктовке,
Встану с красными братьями в ряд,
Чтоб врагу из напевной винтовки
Просвистел мой звенящий заряд.

Буду помнить, — маячит, как прежде,
Поп блудливый, помещик и царь, —
Что Коммуне, народной надежде,
Вновь готовится каторжный ларь.

Снова вверюсь испытанным ранам
И в тревоге прошедшим годам,
Задрожать перед вражьим обманом
Закаленному сердцу не дам.

Разве мало с улыбкой веселой
Нас всходило к подножию плах,
Но гудели, как звонкие пчелы,
Наши песни в народных сердцах.

Станет Труд — солнцевзорный воин,
Вся Россия — красный окоп,
Где всемирной неволе построен
Будет крепкий колодовый гроб.

О, Коммуна, твоих полномочий
Не оспорит взбешенный враг,
Вновь поднимется финский рабочий,
И откликнется бурей Спартак.

Не тобой ли в Европе старой,
Словно в праздник гудят города?
Поднимай же могучей опарой
Забродившую силу труда!

Сдвинь, как тучи, полки трудовые!
Пусть звенит их железный шаг,
Где, в борьбе надрываясь, Россия
Держит счастья всемирного стяг,

Где во мгле под'яремных столетий
Прометей пригвожденный стонал,
Где расцвел пролетарский, Третий,
Красный Интернационал!

Самобытник.

ДРЯБЛОМУ ДУХОМ.

Не зовись коммунистом—это вредная ложь,
В твоем сердце кремнистом, словно в сумраке мглистом,
Путеводной звезды не найдешь.

Как печальные свечи—эти встречи с тобой,
Надломилися плечи. Угнетенные речи
Ранят сердце тоскливой мольбой.

Каждый раз торопливо молчаливый вопрос:
О, когда ж наша нива зацветет горделиво
Без борьбы, без страданий и слез?..

И отравленным жалом сердце ранит мольба,
Но ответным кинжалом — бранной песни закалом—
Я сверкну над сомненьем раба.

раторов, поэтов, артистов, музыкантов, техников и проч., которые пролетарскую культуру разовьют настолько, что буржуазная культура будет казаться пред нею лишь бледною тенью.

Спектакли и концерты ставятся клубами при самом активном участии студийцев клуба, а заимствование сил из центров проводится лишь тогда, когда своих слишком мало; спектакли и концерты будут не только развлечением, но и послужат своего рода экзаменом для студийцев, и добрые, товарищеские замечания своих же клубцев помогут в работе, так как со стороны ошибки много виднее, а похвалы их дадут студийцам энергию с еще сильнейшим рвением приняться за любимое дело.

В беседах и лекциях все присутствующие на них принимают непосредственное участие, к вопросу или предмету подходят с разных сторон, делают лектору вопросы и, когда чего-либо не понимают из его об'яснений, то просят лектора пояснить более подробно. Лекции по возможности следует превращать в беседы, и этим лишать их сухости. Особенно полезно было бы введение в клубах после лекции беседы между членами клуба на эту же тему, с обсуждением, хорошо ли она прочитана, что бы хотелось еще знать на эту тему, по выяснении всего попросить лектора ответить на возникшие вопросы.

Экскурсии совершаются обязательно с лектором или товарищем, хорошо знакомым в данном деле. Они познакомят рабочих с прежней культурой, с природой, расширят их кругозор, в них рабочий совместит приятное с полезным.

Библиотека. В ней рабочий по книгам может изучить идеологию всех предыдущих поколений, в которых она заключена, почерпнет все ценное, накопленное людьми, и уяснит себе то, что мешало в жизни к осуществлению социалистического идеала. Обстановка библиотеки должна соответствовать домашней, чтобы читатель мог в одно и то же время не только прочесть книгу, но и отдохнуть. Часто рабочий, придя в библиотеку, не знает, что ему читать, и берет первую попавшуюся ему книгу, с красивым или тенденциозным заглавием. В этом случае ему должны помочь, вывешивая на стене плакат, с заголовком крупным шрифтом: „Книги, которые необходимо прочитать каждому пролетарию“.

В библиотеке должны иметься письменные принадлежности, конверты и бумага, чтобы читающий мог делать выписки из книг или журналов и написать письмо. На стенах должны висеть карты и планы города или местечка, где находится клуб, и городов столичных. На картах и планах должны быть сделаны пометки, об'яснения которых, висящие рядом, дополняли бы их. Пусть помнит каждый член клуба, что его труд, затраченный в библиотеке, принесет делу пролетарской культуры громадную пользу и окупится сторицею!

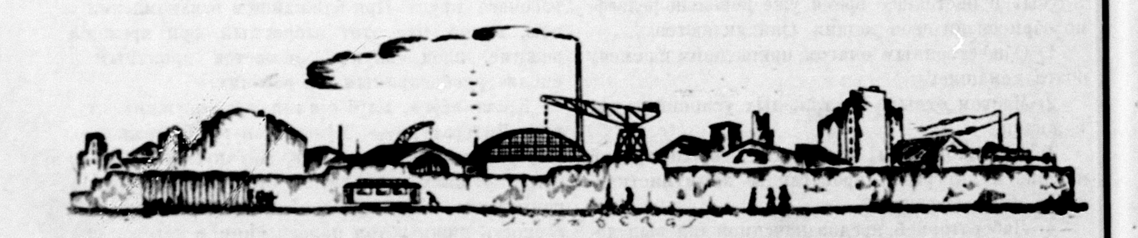
Бюро справок помогает членам разобраться по разным вопросам и облегчает этим их работу, а рабочим, состоящим на общественной работе, станет громадным подспорьем.

На ряду с развитием сил духовных клуб должен положить основание развитию и сил телесных. Мудрыми людьми сказано, что в здоровом теле живет и здоровый дух, почему очень необходимы гимнастический зал и организация спортивных кружков.

Конечно, создать общественный очаг, без удовлетворения наших физических потребностей,—пить и есть—нельзя, и буфет со столовой войдут в него, как необходимые.

Изложенное описание рабочего клуба, конечно, неидеально; в будущем появятся в них ванны, души, белье, и рабочий, уже не заходя на квартиру, пойдет прямо в клуб и там получит пищу, отдых, развлечение, и тогда-то клуб, действительно, превратится в общественный очаг пролетариата.

Михаил Зверев.

Наши задачи.

(Речь, произнесенная на открытии III Общегородской Конференции Культурно-Просветительных Пролетарских Организаций 24 апреля 1919 г.).

Позвольте, товарищи, от имени организационного бюро и совета Пролеткульта приветствовать третью общегородскую конференцию пролетарских культурно-просветительных организаций, которая собирается в такой момент, когда враги пролетарской революции напрягают последние усилия для того, чтобы наемными бандами задавить красную пролетарскую Россию, поймать и заковать эту сказочную жар-птицу мировой революции. Мы знаем, товарищи, что это их последние усилия, и что, как бы они этого ни хотели, задавить пролетарскую революцию невозможно. Уже в 1905 году наша пролетарская революция показала, что она не ограничится ломкой одних только рамок самодержавного строя, что она пойдет гораздо дальше и глубже, что она начнет ломку всех отношений, основанных на капиталистическом строе. Уже тогда в подпольных просветительных рабочих организациях и за границей в партийных школах вырабатывались деятели пролетарской культуры, и закладывались основы того мощного, просветительного движения, которое мы видим сейчас в нашей советской стране. Но, товарищи, 1905-й год был только пробой наших сил, это был первый прыжок, быть может, и сильного, но раз'яренного зверя, который железом и огнем был снова загнан в железную клетку самодержавного строя. И потребовалось целое десятилетие, потребовались три года мировой бойни, чтобы снова всколыхнуть все крестьянские элементы, чтобы снова пролетарский рабочий класс встал во главе революции и доделал то, что надо было доделать в 1905 году. Февральская революция была завершением буржуазной революции. И нужно было совершить второй переворот, октябрьскую революцию, чтобы свергнуть, наконец, капиталистический строй. И тут наша революция достигла огромных успехов, но, для того, чтобы удержать все наши завоевания, требуется дальнейшее углубление, дальнейшее расширение революции, доведение ее до конца.

Среди наших товарищей нередко раздаются голоса, что не преждевременно ли разрушать до основания капиталистический строй, что не лучше ли кое-что из него временно сохранить.

Мы знаем, конечно, что сразу коммунистический строй построить нельзя, что между капитализмом и коммунизмом должен пройти некоторый переходный момент, но, все-таки, нельзя так ставить вопрос, нельзя благоговеть перед системой, основанной на рабских взаимоотношениях. Мы должны помнить слова нашего великого учителя Карла Маркса, который в «Коммунистическом манифесте» и в «Капитале» несколько раз указывает, что с изменением материальной обстановки изменяется также и духовная культура, изменяется наша мораль, изменяются наши привычки, изменяются наши психологические переживания. Мы как раз присутствуем при таком процессе, когда изменяются все производственные отношения, когда ломается частная собственность, когда закладывается фундамент коммунистического общества,—и здесь сомнениям таким не место. Мы, конечно, знаем, что нельзя подходить к оценке буржуазной культуры, отвергая ее огулом. Нет, мы подходим к ней критически, выбирая из нее все то, что пригодится нам для нашего переходного момента, и в нашей оценке применяем наш пролетарский метод,—иначе нельзя. Ведь Маркс также не просто заимствовал готовые теории английских экономистов при составлении Капитала: он критически подходил к ним и брал только то, что требовалось для обоснования нашего научного взгляда, нашего научного социализма.

Свое учение научного социализма он связал с интересами рабочего класса, с его конечною целью, и получилась совершенно новая пролетарская наука, которая целый век служила тараном. Переоценка всех этих ценностей возможна была тогда, когда в буржуазном обществе выделилась известная часть населения—пролетариат, рабочий класс, лишенный всякой собственности.

Только при этих условиях возможно было создание идеологии нашего научного коммунизма. И мы знаем, товарищи, что главная заслуга Карла Маркса заключалась именно в том, что он подметил образование этой силы, пошел ей навстречу и взял из мирового опыта все, что могло способствовать победе и движению рабочего класса. Точно также и мы, товарищи, должны подходить к организации пролетарской культуры, не забывая при этом, что пред нашей революцией бледнеют почти все мировые эпохи революционных движений. Наша революция захватила не один только рабочий класс, она захватила и крестьянство, мелких горожан, в ней принимают участие даже те, которые как будто пассивно к ней относятся. Наша революция осложняется огромными внутренними организационными кризисами, результатами многолетней капиталистической войны, эти кризисы неизбежно вовлекают в революцию все наше население, без различия возрастов. Голодная мать во имя освобождения трудящихся отдает последнее молоко, кормит ребенка, взрослый отнимает от своего кровного куска, чтобы поделиться с семейством, старые преждевременно утрачивают свою силу. И в этот момент, когда все население принимает участие в этой революции, Пролеткульт, который об'единяет вокруг себя все творческие духовные силы рабочего класса, должен итти в самую гущу масс, должен помочь им перенести все тяжести, которые выпали на долю нашей пролетарской революции, должен раз'яснить смысл совершающихся событий, чтобы мать, которая страдает, поняла, за что она страдает, чтобы взрослое население, которое отдает свои жизни, знало, во имя какого человеческого строя жизни оно борется. Это—задача Пролеткульта, и он задачу эту должен разрешить немедленно, тем более, в осуществлении этой задачи нуждается крестьянство. Наша задача, товарищи, продолжать наше дело по укреплению и развитию революции, ибо мы должны твердо помнить, что победа пролетарской культуры тесно связана с победой пролетарской революции. Победит пролетарская революция—расцветет пролетарская культура, не победит—организация пролетарской культуры встретится с теми препятствиями, которые вновь воздвигнет капиталистическое общество. И здесь, товарищи, конец всяким сомнениям. Мы знаем, что дело наше не погибнет. Мы знали это даже тогда, когда отдельные наши товарищи желали, как Моисей, увидеть с горы землю обетованную, увидеть социальную революцию, когда не было реальной возможности для той широты размаха, который мы сейчас переживаем. Мы в это верили еще в подполье, теперь же, когда мы ощущаем на себе дыхание пролетарской весны, пролетарской культуры, разве мы будем брюзжать, разве мы не найдем силы духа, чтобы продолжать нашу борьбу до последнего конца! Я твердо верю, что мы и дальше пойдем под нашим полным развернутым знаменем—борьбы за коммунистический строй, за пролетарскую культуру, и для меня нет ничего легче закончить свое приветствие словами только что пропетого «Интернационала»: «Мы наш, мы новый мир построим»,—но построим лишь, разрушив до основания старое капиталистическое общество, основанное на порабощении трудящихся масс.

А. Маширов.

Резолюции, принятые на Третьей Петроградской Конференции культурно-просветительных пролетарских организаций.

Резолюция секции искусств, принятая по докладу т. А. Андреева.

Выслушав доклад о деятельности Отдела Изобразительных Искусств, Конференция считает необходимым:

1) Продолжать расширение и углубление деятельности отдела Изобраз. Искусств и создать дальнейшие возможности организованным пролетариям непрерывно учиться в мастерских Пролеткульта.

2) Обеспечить постоянных учащихся государственными учебными пособиями и выдавать бесплатно все необходимые для работы материалы.

3) Наиболее выделившихся пролетарских художников необходимо организовывать в трудовые коммуны.

4) Открыть курсы для подготовки организаторов и инструкторов пролетарского изобразительного искусства.

5) Организовать художественными средствами агитацию великой коммунистической революции и пролетарского искусства и в первую очередь для этого издать репродукции с лучших работ пролетарских художников.

6) Организовать массовый пролетарский конкурс на художественные произведения, выявляющие образно Великую Октябрьскую и Мировую Коммунистическую Революцию с предоставлением возможности участвовать в конкурсе беднейшим и пролетарским художникам как в обеспечении средствами, условиями конкурса, так и в составе жюри.

Конференция верит, что революционный пролетариат, выдвинувший и проводящий основы великой коммунистической революции, в тесной связи с Петроградским Пролеткультом, создаст пролетарское искусство и закрепит все завоевания пролетарской революции.

Пролетарское искусство зажжет мировой революционный огонь, вдохновит пролетарских борцов и осветит путь к социальному коммунизму.

Резолюция о театре.

По докладу А. Мгеброва Общегородская Пролетарская Конференция созыва 1919 года, следя за общим развитием пролетарского искусства, признает за последним безусловное право гражданства и с чувством радостного сознания грядущего раскрепощения не только экономического, но и духовного от всех наследий старого мира с его буржуазной культурой и искусством, подтверждает, что пути этого освобождения для пролетариата только через его собственную культуру и его пролетарское искусство.

В своих первых завоеваниях последнее должно стремиться к отражению путем революционного творчества прежде всего классового самосознания всего рабочего класса в целом и беспрерывном устремлении к укреплению и окончательному завоеванию всех позиций во всем мире для полного торжества рабочего класса.

До окончательной победы пролетарское искусство не может быть иным, как поэзией молота и борьбы.

В то же время пролетариат, как творец своего искусства, не должен забывать, что развитие его искусства идет в период величайшего напряжения и борьбы, а поэтому оно должно быть революционным и не отрываться от рабочих масс.

В заключение Конференция не может не выразить своего удивления, почему до сих пор первое место в пролетарском государстве принадлежит не искусству пролетариата, а искусству буржуазии.

Признавая за пролетарским искусством его революционную роль, Конференция считает, что рабочий класс сам должен позаботиться о том, чтобы его искусство, по крайней мере, открыто не подвергалось гонениям тех, кто не желает признать в нем прав на его существование из-за естественного страха потерять свои позиции, завоеванные в условиях старого строя. Поэтому Конференция считает безусловно необходимым совершенно автономное и самостоятельное существование пролетарского искусства вне зависимости от каких бы то ни было буржуазных влияний и тенденций. Все силы и средства необходимо употребить на его укрепление, развитие и утверждение. В пролетарском государстве первое место должно принадлежать искусству пролетариата до окончательной победы рабочего класса во всем мире.

Да здравствует третья революция, революция пролетарской культуры и искусства!

Дополнение к резолюции.

III Конференция постановляет создать при Пролеткульте постоянную организацию, главной задачей которой должно быть об'единение всех родов искусства в пролетарском театре.

Для борьбы с развитием любительщины в окраинных рабочих театрах, необходимо параллельно со студией организовать особую школу по подготовке пролетарских инструкторов из среды рабочих актеров, приглашенных с мест.

Резолюция о литературе по докладу И. Садофьева.

1) Пролетарская литература должна организовать классовое сознание пролетариата и содействовать организации жизни на коммунистических началах.

2) Считая правильным путь, который наметился в истории развития пролетарской литературы, Конференция настаивает на необходимости предоставления пролетарскому творчеству самого широкого развития.

3) Принимая во внимание, что буржуазные писатели, перекрашиваясь в розовый цвет, продолжают быть выразителями буржуазной идеологии и, постепенно заполняя пролетарские учреждения и печатные органы, отравляют мозг и душу пролетариата, Конференция считает необходимым об'единение и сплочение всех пролетарских творческих сил и предлагает скорейший созыв Всеросийского с'езда пролетарских писателей, создание пролетарским литературно-творческим силам таких условий, при которых они могли бы, сплоченные единством цели, пользоваться накопленным опытом классового развития и революционного движения, и творить классовую литературу, как основу социалистического строя.

Дополнения.

1) Конференция выносит пожелание, чтобы вся литература, изданная Пролеткультом, имелась во всех советских магазинах.

2) Предложить издательству Пролеткульта издать сборник всех революционных стихотворений и песен, сложенных пролетарскими поэтами в тюрьмах и на каторге.

Резолюция по докладу П. Арского.

Заслушав доклад тов. Арского об организационных задачах литературной студии Пролет-

культа, III Конференция считает необходимым, в целях более свободного развития и углубления литературного творчества, улучшить материальное положение рабочих, поэтов и писателей освобождением их на время занятий в литературной студии от работ на фабриках, заводах и учреждениях и созданием нормальных условий для творческой работы.

Резолюция по докладу музыкально-вокального отдела.

Заслушав доклады т.т. Озолина и Коптяева о пролетарской музыке, Конференция находит правильным направление, взятое отделом. Принимая во внимание, что музыка, как и всякое искусство, является выразителем господствующего класса, с переходом власти к пролетариату искусство, и в частности музыка, должно стать организующим началом трудового коллектива и выражением пролетарской классовой идеологии. Поэтому буржуазная музыка, носящая в себе индивидуалистическое разлагающее начало, как музыка антипролетарская, не должна служить ни образцом, ни примером пролетарским композиторам.

Конференция поручает музыкально-вокальному отделу чутко прислушиваться к темпу, к звукам революционной жизни пролетариата, работать над созданием для выражения современных звуков жизни новой инструментовки, новых нужных инструментов. В музыке, как в зеркале, должны отражаться все чаяния пролетариата, его титанический, могучий размах в новом строительстве жизни. Музыка должна ярко выражать переживаемую революционную эпоху и могучим ритмом, ритмом железа и гранита, зажигать сердца пролетариата, громко зовя его к завершению великого начатого дела—водворения коммунизма на земле.

Задачами отдела в будущем должно стать:

1) Широкое оповещение рабочих о возможности творить свою музыку в Пролеткульте, сплочение музыкантов из рабочей среды. В направлении музыки брать ритмы и звуки близких нам революционных мотивов.

2) Устроить лабораторию для научного исследования звука и создания новых нужных инструментов.

3) Открыть центральную пролетарскую Академию музыки.

4) Открыть в районах пролетарские районные школы.

5) Взять репертуар артистов, выступающих в рабочих клубах, красноармейских частях и киноминиатюрах под контроль музыкально-вокального отдела Пролеткульта. Репертуар должен быть строго-пролетарским и отвечать пролетарской идеологии.

6) Создать центральную пролетарскую нотную библиотеку и издательство нот при музыкально-вокальном отделе Пролеткульта.

7) Образовать коллектив пролетарских творцов-композиторов.

8) Для обслуживания рабочих клубов, красноармейских частей и фронта увеличить численность хора до 120 человек, солистов—до 32, оркестра—до 60 человек.

9) Организовать кадры инструкторов по хоровому массовому пению.

10) Во всех работах отдел должен руководствоваться пролетарской идеологией.

Резолюция Клубной секции по докладу т. Кудели.

Основной задачей клубной работы должно быть выявление творческих сил пролетариата и распространение коммунистического мировоззрения среди широких слоев рабочих и работниц, что тесно связано с укреплением рабоче-крестьянской власти, поражением контр-революции и мировым об'единением рабочих.

Что касается организационного принципа, то секция признает необходимым централизацию клубной работы, не нарушая самодеятельности каждого клуба, при чем об'единяющим центром должен быть исторически и самодеятельно сложившийся центр, специально созданный для творческой культурно-просветительной работы—Петроградский Пролеткульт.

Дополнение 1-ое.

Почти во всех крупных городах России Пролеткульты становятся центрами, вокруг которых сосредоточивается просветительная деятельность всех рабочих организаций. Такие примеры мы видим, например, в Твери, Тамбове, Самаре и др. городах, только у нас в центрах, до сих пор, такого об'единения не произошло.

Наоборот, наблюдается мещанское течение некоторых организаций к образованию самостоятельных параллельных центров, распыляющих единое культурно-просветительное движение пролетариата.

Несмотря на постановления Всероссийского С'езда профессиональных союзов, на резолюции, принятые Всероссийским С'ездом просветительных организаций, Петроградский профессиональный союз и рабочие кооперативы до сих пор не установили тесного контакта с деятельностью Пролеткульта. А между тем, это наиболее близкие к Пролеткульту по своему духу рабочие организации. Третья Общегородская Конференция еще раз предлагает профессиональным союзам и кооперативам об'единиться с Пролеткультом, как с организацией, с самого возникновения обслуживающей просветительной деятельностью все формы рабочего движения. Независимо от этого Конференция предлагает новому Совету организовать отделы по изучению всех вопросов, связанных с профессиональным и кооперативным движением, в этих отделах должен изучаться и разрабатываться весь опыт союзных движений, в целях культурно-промышленного воспитания рабочих масс на основе товарищеской дисциплины и коллективизма.

Все клубы и культурно-просветительные учреждения Военного Комиссариата также должны быть включены в единую организацию, возглавляемую Пролеткультом.

Дополнение 2-ое.

Принимая во внимание, что победа нового строя жизни зависит от ясного понимания характера коммунистического общества, Конференция предлагает Совету Пролеткульта организовать отдел агитации и пропаганды идей пролетарской культуры и распространять просветительную деятельность среди самых широких масс населения, особенно среди женщин, рабочей молодежи и детей.

Резолюция по докладу „Наука и Труд“ т. Сирвинт.

Пролеткульт провозглашает в качестве принципов научной работы:

Общество, как приспособление человечества для борьбы с природой, превращает науку в мощное орудие труда и должно сделать труд проводником научных методов в деле завоевания природы.

Таким образом настойчивым требованием к отдельному человеку в деле строительства материальной культуры является специальное знание. Отдельный человек должен быть специалистом, общество должно быть всеоб'емлющей энциклопедией.

Специальность понимается нами не как автоматическое умение производить какую-либо работу, а как сознательная деятельность, познающая связь этой специальности со всем научным зданием, учитывающая те обобщения научно-философского характера, которые могут быть построены на этом специальном знании.

Специальность, не связанная неразрывно с общим направлением науки, перестает быть вообще научной специальностью, ибо наука только в обобщениях.

Основываясь на этом, Пролеткульт стремится сблизить народно-хозяйственную деятельность с наукой, считая, что в идеале между ними должен быть поставлен знак равенства.

Лозунгом момента является: весь труд и вся наука на борьбу с материальными невзгодами.

Резолюция о пролетарском Университете.

1. В основу учреждаемого Университета должны лечь научные студии Пролеткульта.

2. Университет должен использовать также и искусство, как важный элемент в практической научно-трудовой деятельности.

3. Принципом деятельности Университета является организационное единство в деле согласования общей идейной и научной работы с сохранением автономии отдельных учреждений и специальных институтов,

4. В качестве программы своей деятельности Университет ставит своей основной задачей сделать Университет фабрикой новых методов борьбы с природой, а фабрику—лабораторией научного творчества.

5. С этой целью Университет открывает научные лаборатории при фабриках и заводах, а также образцовые заводы и фабрики для полного трудового использования наук и научного истолкования труда.

6. В виду необходимости теперь же заложить фундамент будущего Университета, требуется об'единение некоторых высших общих и технических учебных заведений для создания достаточного кадра ученых специалистов, желающих работать на поприще слияния науки и труда, и для организации пролетарского Университета.

7. В виду того, что Америка является страной, где до сих пор по преимуществу разрабатывались вопросы о рациональных системах труда и где наука и техника были более связаны, нежели в Европе, необходимо использовать американский опыт.

8. С этой целью необходимо войти в соглашение с Америкой для командирования туда специальной комиссии из ученых, рабочих, инженеров-практиков, для изучения американской промышленности, науки, техники и американских методов преподавания и для приглашения инструкторов по рациональной организации труда, крупного производства и фабрично-заводских лабораторий.

Резолюция по Кинематографической Студии Отдела Общесоциалистического Образования по докладу т. Воскресенского.

Заслушав доклад о работах кинемо-студии и принимая во внимание: 1) что в ряду творящих пролетарскую культуру сил, кинематографии, как новому искусству, должна принадлежать одна из самых боевых и ответственных позиций в деле углубления и утверждения завоеваний пролетарской революции, и 2), что в деле строительства пролетарской культуры кинематография, как могучее воспитательное орудие пролетарского просвещения и пролетарской науки, должна быть использована во всей ее полноте,—

III Общегородская Конференция пролетарских культурно-просветительных организаций выражает свое категорическое пожелание, чтобы Отдел Общесоциалистического Образования Петроградского Пролеткульта обратил на кинемо-студию особое внимание и, исхлопотав для должного ее функционирования необходимые средства, использовал все ее научно-учебные, агитационные и культурно-просветительные возможности.

Сверх сего III Общегородская Конференция настаивает на включении всех кинематографов Петербурга в сферу деятельности Пролеткульта, подчинив их единому руководству соответствующей студии Пролеткульта.

Резолюция о школе-мастерской.

Учрежденная Пролеткультом школа-мастерская является весьма полезной и крайне необходимой новой попыткой создания школы, в которой производительный труд становится основным общеобразовательным предметом.

III Общегородская Конференция считает неотложным и насущным требованием момента дальнейшее развитие идей, положенных в основу этой действительно трудовой школы, и выражает настойчивое пожелание о самом широком распространении таких школ, в общем и целом способных решить сложную задачу трудовых методов преподавания.

Резолюция о материальной культуре.

Заслушав доклад Л. Л. Мищенко о материальной культуре, Конференция принимает следующие пожелания:

1) желательно содействовать самым широким и деятельным образом разработке материальной культуры, как науки, и организовать курсы по подготовке учителей, лекторов, профессоров и методистов этого предмета;

2) желательно ввести материальную культуру, как науку, в университеты и политехникумы;

3) желательно ввести материальную культуру, как учебный предмет, в общую систему образования—в Единую Трудовую Школу, в школы и курсы для подростков, в народные университеты и во все прочие учебные заведения.

Отчет о деятельности Отдела Общесоциалистического Образования за первое полугодие 1919 года.

В начале этого года в Пролеткульте в названном отделе существовали нижеследующие школы и студии:

	Число учащихся
Трудовая гимназия:	
Средняя группа	47 чел.
Основная группа.	52 „
Технические курсы:	
Школа-мастерская	59 „
Электротехническая школа	63 „
Дорожно-строительная	22 „
Механическая.	19 „
Курсы иностранных языков	58 „
Итого учащихся	320 чел.

Основною задачею большинства перечисленных школ являлась разработка вопросов о соотношении между наукой и трудом—постановка преподавания в такие условия, чтобы средостение между теорией и практикой было разрушено, и научные основы технического прогресса и развития производительности труда выявлены были бы с достаточною яркостью.

Ученая работа производилась в недрах студий, каковые были образованы по следующим предметам:

1. Студия математики.
2. „ мироведения.
3. „ истории.
4. „ политехническая

Одновременно был поставлен вопрос об издании журналов педагогического и научного. Условия современности сильно задержали развитие этого дела, и только теперь явилась возможность сдать в печать первый номер педагогического ежемесячника с нижеследующим содержанием:

1. Редакционная статья.—*Е. И. Игнатьева.*

2. Искусство речи и ее воспитание,—*Л. Л. Мищенко.*

3. Опыт методической разработки программы по естествознанию,—*А. И. Кайгородов.*

4. Итоги одной анкеты по профессиональному образованию,—*Д. П. Волков.*

5, 6. Ряд заметок по математике.—*Л. Л. Мищенко.*

7. Преподавание математики в трудовых школах-мастерских,—*Ф. Л. Сирвинт.*

И т. д.

Начало деятельности в смысле обилия учащихся было очень хорошим, но прекращение вечернего движения трамваев лишило учащихся

возможности исправно посещать занятия, вследствие чего в апреле месяце картина посещаемости школ была нижеследующей:

Трудовая Гимназия	20 чел.
Школа-мастерская	9 „
Электротехническая	14 „
Дорожно-строительная	4 „
Французский язык	16 „
Немецкий язык	10 „
Механическая закрылась . . .	— „
Итого	73 чел.

Но первая беда влечет за собой другую. Всеобщая мобилизация, проводимая и по сие время, окончательно разорила многие школы, и, несмотря на новый прием учащихся, число посещающих занятия колеблется сейчас в пределах от 40 до 50 человек в день, выражаясь в июне (15-го числа) такими цифрами:

Трудовая Гимназия	13 чел.
Школа-мастерская	4 „
Электротехническая (вместе с вновь поступившими)	16 „
Дорожно-строительная (вместе с вновь поступившими)	7 „
Курсы иностранных языков (вместе с английским).	15 „
Итого	55 чел.

Но и эта цифра падает в виду продолжающейся посылки на фронт все новых контингентов. Единственное учреждение Отдела, мало страдающее от современных условий, кинематограф, в среднем посещаемый свыше 700 чел. в день (включая платных посетителей).

Вне стен Пролеткульта организована школа судоводителей и машинистов, которую в начале июня окончило весьма успешно 13 человек.

В последнее время приступлено к организации рабочего Университета,—в состав комиссии вошли представители Пролеткульта и ученые-специалисты.

Комиссии поручено в двухмесячный срок, считая с 6-го июля 1919 г., представить подробный план организации Университета и основные программы научных циклов. Математическая студия Пролеткульта, принимая во внимание затишье учебной жизни, также обратилась к научным вопросам и разработала весьма интересную программу по математике трудовых школ для взрослых, каковая в ближайшее время появится в печати.

Школьные Советы также занялись разработкой программ, и некоторые из них, как например, Трудовая Гимназия, об'явили короткий перерыв на 1 месяц, дабы за летний месяц значительно расширить дело.

Летние рабочие клубы.

С наступлением весны и лета, естественно, назревает жгучий вопрос об организации летних клубов.

Вопрос этот уже обсуждался Центральным Социалистическим Клубом при Петроградском Пролеткульте. Теперь необходимо немедленно приняться за предварительную организационную работу. Принципиально вопрос ясен: летом рабочий люд городов (я касаюсь только клубов городских рабочих) должен проводить свое свободное время под свободным, открытым небом—на лоне природы. Конечно, мы не должны забывать те трудности, которые стоят на пути для проведения этого. Во-первых, отсутствие средств быстрого передвижения лишает многих рабочих возможности посещать свой летний клуб; во-вторых, продовольственный кризис тоже неблагоприятно отражается на питании членов клуба.

Но борющемуся пролетариату все по силам. И мы должны быть уверены, что рабочие Питера, Москвы и др. больших городов немедленно примутся за организацию летних клубов.

У нас в Питере и Москве много городских и бывших царских садов и парков. В этих садах и парках и следует открывать рабочие летние клубы.

При национализированных садах и парках находятся роскошные особняки и дворцы,—все это говорит в пользу успеха в существовании летних клубов.

В городских летних клубах жизнь должна протекать весьма оживленно. В них поставим за правило следующее: спектакли должны ставиться на вольном воздухе; концерты, шахматные и другие игры заменяются футболом, крокетом, гимнастикой и т. д.; в реках и прудах устраивать катанья на лодках и открывать купальни. Несомненно, что „физика" не должна затушевать наш духовный мир. На открытом воздухе необходимо установить чтение лекций, рефератов, устраивать товарищеские собеседования, летнюю читальню. Для об'единения членов одного клуба с другим необходимо устраивать экскурсии, как по городским летним клубам, так и больше всего за город. Время от времени не следует забывать и т. н. народные праздники-гулянья. Обыкновенно эти «народные гулянья» устраивались разными дельцами наживы, которые имели в виду дать публике пошлое, но зато привлекательное „наслаждение" разного рода „увеселениями". Летние клубы должны этому помешать, взяв дело устройства народных праздников в свои руки. Каждый клуб должен в первую голову таковые праздники устраивать для своих членов, а затем и для прочих участников.

Массовые гулянья, в летних рабочих клубах

должны также занимать свое законное место. При каждом таком клубе должен быть организован буфет и закуски. Всю вышеупомянутую работу планомерно и плодотворно можно провести, если за последнюю взяться самым серьезным образом, не жалея ни средств, ни времени, ни сил.

Карл Озоль-Преднек.

О театре.

Тяжелое наследство досталось нам от прошлого. Разрушая все ненужное, мертвое, покрытое плесенью и гнилью, приходится строить новое, напрягая гигантские усилия для разрушения тех препятствий, которые встречаются почти на каждом шагу.

Это верно как в области экономической и политической, так и в области науки и искусства, но пролетарская культура все-таки создается, она есть, она уже существует.

Наука пролетаризируется так же, как и искусство.

Чистое искусство—оно было, конечно, но оно непосредственно и ярко отражало в себе, как в зеркале, все, чем жил и дышал господствующий класс аристократии и буржуазии.

Искусство всегда было классовым. Теперь оно будет внеклассовым, потому что коммунизм, уничтожая классы, не создает новых.

Пролетариат, побеждая и подчиняя себе господствующий класс буржуазии во всем мире, при дальнейшем своем развитии, при победе социализма, никого себе не подчиняя, никого не порабощая, создаст в конце концов искусство внеклассовое, всечеловеческое.

Но это в будущем, а пока мы видим борьбу двух начал.

Старое, умирающее буржуазное искусство всеми силами, всеми способами борется за свое существование. Оно судорожно цепляется за своих представителей, иногда талантливых, опытных специалистов, которые умело действуют на массу, ту массу мещански-обывательскую, неустойчивую и колеблющуюся, а чаще, в большинстве своем, прямо-таки враждебно настроенную ко всякого рода новым начинаниям, как в жизни, так и в искусстве.

Поэтому неот'емлемое право и задача пролетарского государства бороться со всякого рода старыми веяниями в искусстве, беспощадно отметая и уничтожая все негодное и вредное в нем.

В особенности это относится к театру, потому что театр непосредственно действует на массы, заражая их нездоровым дыханием буржуазной психологии, больного нытья и человеконенавистничества.

Старый, буржуазный театр царит у нас. Он цепкими лапами держит в своих руках знамя прошлого, невозвратно ушедшего в область преданий.

Скажут, что нет художественных средств, нет возможности, наконец, нет самого необходимого репертуара, чтобы можно было пролетариату начать создавать свой новый пролетарский театр. Может быть, так, а, может быть, и нет.

Во всяком случае, Петербургский Пролеткульт стремится к этому. На его спектаклях рабочая масса не раз видела, может быть, слабые, но верные ростки пролетарского подлинного искусства.

Искусство буржуазного театра глубоко и явно вредно, оно противно сознанию рабочей массы, оно идет в разрез с новыми стремлениями пролетариата, оно мешает его работе как в тылу, так и на фронте.

Красноармеец, побывши в современном театре, мало что может вынести хорошего для себя и для упрочения социалистической революции.

Нужен героический репертуар, нужен революционный под'ем у художников-исполнителей на сцене для того, чтобы зритель мог быть заражен энтузиазмом борьбы за жизнь, за счастье угнетенных и обездоленных всего мира. Только пролетарская арена сумеет отражать сложные переживания революционной эпохи. Только рабочие писатели и артисты создадут пролетарский театр.

П. Арский.

От Петроградского Пролеткульта.

Центральным Комитетом Петроградского Пролеткульта Театральный Отдел в корне реорганизован. Избран Художественный Совет, в состав которого, для идейного руководства, вошли: т. т. **Маширов-Самобытник, Арский** и художник **Андреев.**

Художественным Советом рассмотрены и приняты к постановке новые пьесы пролетарских писателей: «Борьба за советскую власть»—**А. Маширова-Самобытника,** «На рассвете» его же драм. этюд в двух действ., «Мировой пожар» **Ал. Поморского.** «Старые устои» **Ан. Пролетарского,** «Борьба миров»—**Павла Арского** и др.

Кроме того разработан план театральных инсценировок пролетарских стихотворений.

Все пьесы будут исполняться исключительно рабочими, красноармейцами и матросами.

Запись в Студию ежедневно с 11 часов утра до 5-ти часов вечера.

Редактор: **Коллектив.**

17-ая Государственная Типография, 7-ая рота, д. 26.

ОТ РЕДАКЦИИ.

ОТВЕТЫ ПОЭТАМ.

Ник. Гришину, М. Тоболенкову, Ивану Балашову, Юрию Вадецкому, Федору Егунову, Ал-дру Павлову.—Очень слабо, товарищи! Напечатано быть не может. На все ваши вопросы найдете ответ в № 4 нашего журнала, в отделе **„Ответы поэтам."**

А. Красносельскому,—„На смерть Либкнехта и Люксембург"—сухо, риторично, газетно. Подошло бы, быть может, в свое время для **„Красной газеты"**, но теперь это уже слишком запоздало.

Григорию Тунину,—Ваше стихотворение не лишено настроения, образности, но содержание его отнюдь не пролетарское; Город—Купель Революции, Колыбель Социализма и ненавидеть его—значит, ненавидеть нарождающиеся в городе Братство, Равенство, Вселенскую Любовь и общечеловеческую Культуру. Стихотворение напечатано не будет.

Ивану Тютикову,—Одно „Тому, кто не прозрел", исправив, напечатаем.

Л. Цинов.,—„Петрограду", исправив, где-нибудь пристроим, а другое очень эскизно и не выдержано по форме, но место о „Жмурящем от солнца глаза ребенке" - очень недурно.

Корнэ, Кыссель, Черепенину, Антону Зорскому,—Слабо, товарищи! Напечатано не будет.

Н. Леснику,—Стихи не пойдут: одно газетно, другое—сентиментально-молитвенно.

Льву Чернышеву,—Стихи беспомощны по форме. Работайте больше над совершенством техники и музыкой стиха!

Николаю Окскому,—Автобиография в стихах напечатана не будет. „Будет радость," и „Всемирное сплочение", быть может, при случае напечатаем. Остальные стихи—очень неудачны.

Гонорар за помещенные стихи Вам будет выслан конторою журнала.

Содержание № 7—8.

№ 7—8. Петроград, улица Пролеткульта, 2. **1919 г.**

Два года героической борьбы за рабоче-крестьянскую Советскую власть, два года изумительной творческой энергии трудящихся масс, в тяжелых, невероятных испытаниях, воздвигающих новое здание жизни... Напрасно белогвардейцы всего мира пытаются повернуть колесо истории назад, — революция вошла внутрь, она разбудила сознание трудящихся масс, она помогла им овладеть бытием, и результаты на лицо: сознательный революционный рабочий и прозревший крестьянин победоносно отражают своих врагов на всем беспрерывном, десятитысячном фронте!..

Да, двухлетняя, дружная, культурно-просветительная работа всех органов Советской России не пропала даром, — пролетарская культура — это уже не одни слова, не только идея, даже не семена и слабые ростки, но мощные юные деревца, которые радостно зазеленели по всему необ'ятному простору Советской России. Только слепые этого не могут видеть. В голодных и многострадальных центрах она воздвигает величественные рабочие дворцы, тысячи новых школ, сотни пролетарских клубов; в глухих уездах она часто опережает центры, она двигается широким фронтом за Красной Армией, она крестьянскую избу превращает в университет.

Два года самодеятельности масс, два года пролетарской культуры в области просвещения сделали больше, чем два столетия старой бюрократической России.

Десятки тысяч рабочих и крестьян жадно тянутся к знанию, к творчеству мысли, сотни пролетарских ученых зреют в Советских университетах, пролетарские писатели, художники, актеры — стали обыденным явлением в нашей культурной жизни. И не удивительным становится слышать о том, что где-нибудь в холодном Олонце или Оренбургских степях открываются Пролеткульты, а в Твери, например, созывается с'езд пролетарских писателей, впереди еще не то будет! Народ, поразивший весь мир своим героизмом, не может жить без своей коммунистической культуры. В новом обществе ему нужен и новый прочный стержень для своего духа. В этом мудрость и сила пролетарской революции, в этом бесповоротная гибель врагов Советской России, в этом залог творчества власти трудящихся.

Да здравствует пролетарская революция, да здравствует мировая коммунистическая культура!

дугадать, в какую сторону разовьется его методология.

Если бы вздумали в настоящее время навязывать государственному аппарату задачи распространять только новое, только пролетарское, мы бы обрушили пролетариат в варварство, мы бы отсекли его корни, и нечего было бы удивляться, если бы плоды пролетарского творчества в области науки и искусства оказались при этом замедленными и чахлыми.

Дело государства распространять истинно бесспорные знания, которые пролетариат завоевал лишь в нескольких областях, непосредственно смежных с его борьбой, и широкой волной орошать пролетарскую ниву всем тем богато оплодотворяющим материалом, которого он является наследником.

Но, если бы, вследствие этого, заявили, что можно быть равнодушными к *самостоятельным пролетарским исканиям*, к работе представителей рабочего класса над выработкой собственных форм искусства и собственных путей в науке, то мы опять впали бы в самое прискорбное заблуждение.

Таким образом, обе задачи эти определенно и ярко ограничены: Пролеткульт ни в каком случае не должен считать первые ростки пролетарского искусства и пролетарской мысли (за исключением данных научного социализма) готовой ценностью и пытаться заменить ими ценности культуры предшествовавших ему эпох; не его дело также заботиться о распространении знакомства со всей областью «человеческой образованности» через свои органы: в первом случае он проявил бы самую неосторожную заносчивость, которую надо целиком предоставить футуристам, во втором он вторгся бы в работу, которую пролетариат делает другой рукой,—в общегосударственную работу.

Но Пролеткульт должен сосредоточить все свое внимание на студийной работе, на подмечании и поддержке оригинальных талантов среди пролетариев, на создании кружков писателей, художников, всякого рода молодых ученых, из рабочего класса, на создании разнообразнейших студий и живых организаций во всех областях физической и духовной культуры, с непременной задачей развивать там свободные и вольные, без натяжек и без выдумывания, семена, которые находятся в пролетарской душе.

Государство пролетарское, вернее—рабоче-крестьянское, не может не относиться с величайшим доверием и с величайшей заботой к такого рода молодым организациям, из которых будет постепенно распространяться тот свет и то тепло, которые в свое время значительно превзойдут все, что унаследовано нами. Это они создадут в области культуры тот новый мир, который мы основали в области политики, который мы осуществляем в области экономики.

Я думаю, поэтому, что стремления, например, Отдела Народного Образования при Московском Совете к уничтожению Московского Пролеткульта совершенно не правомерны; они к тому же не могут увенчаться успехом, так как все другие Российские Советы стоят на другой точке зрения, и было бы совершенно нелепостью воспретить московскому пролетариату иметь такую же организацию по самостоятельной выработке новых культурных ценностей, какие имеются теперь чуть ли не в каждом городе; уничтожить же повсюду столь богато распространяющиеся и дающие столько ценных плодов Пролеткульты Московскому Совету, к счастью, не по силам.

А. Луначарский.

Грядущий октябрь в искусстве.

2-я часть. Блок левых российских течений.

Новые веяния декаданса, пытавшегося освободиться от гнета условностей в искусстве и вышедшего из Франции и Италии, взолновали молодые силы российских живописцев и скульпторов и вызвали среди них ряд аналогичных течений. Представители левых прошли мимо стен царской Академии Художеств, впитывая в себя отвращение к прошлому и безудержное стремление к бунтарскому новаторству.

Дети буржуазного миропонимания, хотя и вышедшие в большинстве из беднейшего класса, левые всегда били на эффект („Пощечина общественному вкусу“).

Основа их быстро проходящего творчества была в Париже. Отрицание вчерашнего и натиск неоформленных мыслей, кое-как бросаемых на холсты и на бумагу, овладели почти всей молодежью.

Способнейшие изнашивались в пятилетие, старились и сваливались на кладбище и в „корзинку“.

Все парижские художественные выдумки, часто поверхностной манеры и дешевого смысла, находили немедленное отражение в сердцах и на полотнах российских левых.

Началось с поисков и перевертывания личных

переживаний. Ученическая техника дела и даже незнание совсем формальных основ искусства дали мнимые декадентские произведения, подчиненные академическим упадочным способам изображения.

Первые выставки Москвы и других городов дали т. назыв. символических декадентов, но это не были сознательные декаденты Запада, а переходная отмирающая полоса академических натуралистических течений.

Скоро против символических картин был выдвинут импрессионистский этюд, т. е. передача света и отражение натуры посредством разложения общей окраски и формы предметов на основные красочные точки, линии и пятна.

Первое впечатление глаза от природы передавалось сверкающими мозаичными точками на фантастических картинах художников-импрессионистов.

Появились свирепые окраски земли, неба и просто бесформенные пятна с натуралистическими названиями; но импрессионизм, как реакция реализма, скоро сошел с выставок левых и был заменен российским кубизмом, в основе которого лежало сечение и резание предметов плоскостями чертежной схемы.

Суровый и реальный на Западе кубизм в России оказался просто разрезанной академической картиной и кое-как склеенной с частями геометрии, испещренной „заумными“ точками.

И этим винегретом приправлялись сотни полотен.

Ужас обуял академические благовоспитанные салоны. Буржуазия, падкая в Париже на сенсации, в России от них была в негодовании. И более, чем двести человек молодежи получили кличку сумасшедших и „неучей“.

Левая молодежь голодала, но бунтарствовала и усиленно разлагала полученные в наследство от Репина натуралистические предметы картин. Шел уклон к футуризму. Левые перегоняли друг друга резкостью приемов в искусстве, возмущая вкусы пресыщенных эстетов.

Лишь одинокие и вдумчивые искали смысла изобразительного творчества в материалах и движении. Индивидуализм среди левых отживал. На зло индивидуализму молодежь об'единялась грудой на выставках „Трамвай Б“, „Ослиный Хвост“, „Союз Молодежи“, „Бубновый Валет“ и др.

Появились засечки углов, наслоения и расчленения контуров, предметов и комбинации лучистых ударов. Народился российский футуризм и натуролучизм, который Маринетти, собиратель итальянского футуризма, назвал нечистым и местным.

Это были поистине грубые удары по реакционным утонченным вкусам буржуазной интеллигенции и привычкам „любителей картин“. Имена двух Бурлюков, Кульбина, Малевича, Экстер и других вождей футуристской молодежи произно-

[illegible] с [illegible] в [illegible] и [illegible] кратических салонах. Их [illegible] для привлечения [illegible] костюмировки и раскраски самих себя, [illegible] споры среди [illegible] искусства.

Чистота [illegible] футуризма в живописи и скульптуре у нас [illegible] ученического натурализма, [illegible] и лучистого футуризма, [illegible] к нему [illegible] шалась и русская [illegible] „заумная“ [illegible]

Молодежь-голытьба, [illegible] более достаточной, средней [illegible] интеллигенцией, жила своей [illegible] сивой, бунтарской [illegible]

Но в [illegible] футуризм для [illegible] сийской буржуазии и аристократии [illegible] кой, после которой [illegible] щиков-художников [illegible] находила сильнейший [illegible] „Передвижниках“ и „[illegible]“.

Рабочая среда [illegible] дерзостям и [illegible] реакционным вкусам, но футуризма, [illegible] не понимала. Передовые рабочие, не говоря уже о рабочих массах, были в стороне от [illegible] городских мод и волнений—у них [illegible] значительные основы [illegible].

Футуризм в его [illegible] не имея опыта и реальной основы в [illegible] конструктивной необходимости в [illegible] и, как разлагающее [illegible] искусства созидательного, быстро [illegible] себя.

Бунтарский [illegible] молодежи с [illegible] империалистской войны [illegible] затемнилась, а [illegible] не [illegible] быть.

Вся постройка, [illegible] только [illegible] течный эффект и не имевшая [illegible] ного класса, как карточный домик, [illegible] и образовала груду при первом [illegible] революции.

С эпохой Керенского [illegible] части левых в стороны. Футуризм, [illegible] большей части недоучками, и [illegible], как пустая бочка, [illegible] и [illegible]. Живые [illegible] мертвецами. Остались одиночные, [illegible] тавшие фанатики-бедняки. Они [illegible] основы изобразительного творчества.

И только октябрьская рабочая революция открыла им возможность [illegible] на реальность их творчества и [illegible] мосознание.

Кучка организаторов Отдела Изобразительных Искусств Комиссариата Просвещения, [illegible] себя левыми и футуристами, [illegible] стве будущего.

Славные бунтарско-[illegible] остались позади.

дугадать, в какую сторону разовьется его методология.

Если бы вздумали в настоящее время навязывать государственному аппарату задачи распространять только новое, только пролетарское, мы бы обрушили пролетариат в варварство, мы бы отсекли его корни, и нечего было бы удивляться, если бы плоды пролетарского творчества в области науки и искусства оказались при этом замедленными и чахлыми.

Дело государства распространять истинно бесспорные знания, которые пролетариат завоевал лишь в нескольких областях, непосредственно смежных с его борьбой, и широкой волной орошать пролетарскую ниву всем тем богато оплодотворяющим материалом, которого он является наследником.

Но, если бы, вследствие этого, заявили, что можно быть равнодушными к *самостоятельным пролетарским исканиям*, к работе представителей рабочего класса над выработкой собственных форм искусства и собственных путей в науке, то мы опять впали бы в самое прискорбное заблуждение.

Таким образом, обе задачи эти определенно и ярко ограничены: Пролеткульт ни в каком случае не должен считать первые ростки пролетарского искусства и пролетарской мысли (за исключением данных научного социализма) готовой ценностью и пытаться заменить ими ценности культуры предшествовавших ему эпох; не его дело также заботиться о распространении знакомства со всей областью «человеческой образованности» через свои органы: в первом случае он проявил бы самую неосторожную заносчивость, которую надо целиком предоставить футуристам, во втором он вторгся бы в работу, которую пролетариат делает другой рукой,—в общегосударственную работу.

Но Пролеткульт должен сосредоточить все свое внимание на студийной работе, на подмечании и поддержке оригинальных талантов среди пролетариев, на создании кружков писателей, художников, всякого рода молодых ученых, из рабочего класса, на создании разнообразнейших студий и живых организаций во всех областях физической и духовной культуры, с непременной задачей развивать там свободные и вольные, без натяжек и без выдумывания, семена, которые находятся в пролетарской душе.

Государство пролетарское, вернее—рабоче-крестьянское, не может не относиться с величайшим доверием и с величайшей заботой к такого рода молодым организациям, из которых будет постепенно распространяться тот свет и то тепло, которые в свое время значительно превзойдут все, что унаследовано нами. Это они создадут в области культуры тот новый мир, который мы основали в области политики, который мы осуществляем в области экономии.

Я думаю, поэтому, что стремления, например, Отдела Народного Образования при Московском Совете к уничтожению Московского Пролеткульта совершенно не правомерны; они к тому же не могут увенчаться успехом, так как все другие Российские Советы стоят на другой точке зрения, и было бы совершенно нелепостью воспретить московскому пролетариату иметь такую же организацию по самостоятельной выработке новых культурных ценностей, какие имеются теперь чуть ли не в каждом городе; уничтожить же повсюду столь богато распространяющиеся и дающие столько ценных плодов Пролеткульты Московскому Совету, к счастью, не по силам.

А. Луначарский.

Грядущий октябрь в искусстве.

2-я часть. Блок левых российских течений.

Новые веяния декаданса, пытавшегося освободиться от гнета условностей в искусстве и вышедшего из Франции и Италии, взолновали молодые силы российских живописцев и скульпторов и вызвали среди них ряд аналогичных течений. Представители левых прошли мимо стен царской Академии Художеств, впитывая в себя отвращение к прошлому и безудержное стремление к бунтарскому новаторству.

Дети буржуазного миропонимания, хотя и вышедшие в большинстве из беднейшего класса, левые всегда били на эффект („Пощечин общественному вкусу“).

Основа их быстро проходящего творчества была в Париже. Отрицание вчерашнего и натиск неоформленных мыслей, кое-как бросаемых на холсты и на бумагу, овладели почти всей молодежью.

Способнейшие изнашивались в пятилетие, старились и сваливались на кладбище и в „корзинку“.

Все парижские художественные выдумки, часто поверхностной манеры и дешевого смысла, находили немедленное отражение в сердцах и на полотнах российских левых.

Началось с поисков и перевертывания личных

переживаний. Ученическая техника дела и даже незнание совсем формальных основ искусства дали мнимые декадентские произведения, подчиненные академическим упадочным способам изображения.

Первые выставки Москвы и других городов дали т. назыв. символических декадентов, но это не были сознательные декаденты Запада, а переходная отмирающая полоса академических натуралистических течений.

Скоро против символических картин был выдвинут импрессионистский этюд, т. е. передача света и отражение натуры посредством разложения общей окраски и формы предметов на основные красочные точки, линии и пятна.

Первое впечатление глаза от природы передавалось сверкающими мозаичными точками на фантастических картинах художников-импрессионистов.

Появились свирепые окраски земли, неба и просто бесформенные пятна с натуралистическими названиями; но импрессионизм, как реакция реализма, скоро сошел с выставок левых и был заменен российским кубизмом, в основе которого лежало сечение и резание предметов плоскостями чертежной схемы.

Суровый и реальный на Западе кубизм России оказался просто разрезанной академической картиной и кое-как склеенной с частями геометрии, испещренной „заумными“ точками.

И этим винегретом приправлялись сотни полотен.

Ужас обуял академические благовоспитанные салоны. Буржуазия, падкая в Париже на сенсации, в России от них была в негодовании. И более, чем двести человек молодежи получили кличку сумасшедших и „неучей“.

Левая молодежь голодала, но бунтарствовала и усиленно разлагала полученные в наследство от Репина натуралистические предметы картин. Шел уклон к футуризму. Левые перегоняли друг друга резкостью приемов в искусстве, возмущая вкусы пресыщенных эстетов.

Лишь одинокие и вдумчивые искали смысла изобразительного творчества в материалах и движении. Индивидуализм среди левых отживал. На зло индивидуализму молодежь об'единялась грудой на выставках „Трамвай Б“, „Ослиный Хвост“, „Союз Молодежи“, „Бубновый Валет“ и др.

Появились засечки углов, наслоения и расчленения контуров, предметов и комбинации лучистых ударов. Народился российский футуризм и натуролучизм, который Маринетти, собиратель итальянского футуризма, назвал нечистым и местным.

Это были поистине грубые удары по реакционным утонченным вкусам буржуазной интеллигенции и привычкам „любителей картин“. Имена двух Бурлюков, Кульбина, Малевича, Экстер и других вождей футуристской молодежи произносились с пеной у рта в буржуазных и аристократических салонах. Их нарочитые выходки для привлечения внимания толпы, доходящие вплоть до костюмировки и раскраски самих себя, вызывали, помимо негодования, нескончаемые сплетни и споры среди представителей искусства.

Чистота итальянского футуризма в живописи и скульптуре у нас заменилась кашей—смесью ученического натурализма, модернизма, кубизма и лучистого футуризма, вдобавок к нему примешалась и русская бесшабашная, „заумная“ удаль.

Молодежь-голытьба, иногда поддерживаемая более достаточной, средней художествующей интеллигенцией, жила своей полуголодной, независимой, бунтарской, „гениальничающей“ жизнью.

Но в целом футуризм для пресытившейся российской буржуазии и аристократии был касторкой, после которой пошлая картинность старьевщиков-художников Мира Искусства и Академии находила сильнейший сбыт, не говоря уже о „Передвижниках“ и „Весенниках“.

Рабочая средняя интеллигенция сочувствовала дерзостям и пощечинам, наносившимся левыми, и реакционным вкусам, но футуризма, как искусства, не понимала. Передовые рабочие, не говоря уже о рабочих массах, были в стороне от этой шумихи городских мод и волнений—у них зрели более значительные основы переворота культуры.

Футуризм в его российской мешанине, не имея сбыта и реальной основы в исканиях, т. е. конструктивной необходимости в жизни общества, и, как разлагающее и отрицательное явление искусства созидательного, быстро изжил себя.

Бунтарский энтузиазм молодежи с началом империалистской войны остыл, цель исканий затемнилась, а классового сознания не могло быть.

Вся постройка, производившая только быстротечный эффект и не имевшая основ революционного класса, как карточный домик, рухнула и образовала груду при первом веянии революции.

С эпохой Керенского разлетелись различные части левых в стороны. Футуризм, привитый по большей части недоучкам, и гремевший, как пустая бочка, рассохся и раскололся. Живые стали мертвецами. Остались одиночные, серьезно работавшие фанатики-бедняки. Они ставили новые основы изобразительного творчества.

И только октябрьская рабочая революция открыла им возможность об'единиться и надежду на реальность их творчества и общественное самосознание.

Кучка организаторов Отдела Изобразительных Искусств Комиссариата Просвещения, именующих себя левыми и футуристами, беспомощна в искусстве будущего.

Славное бунтарско-новаторское осталось позади.

Их самосознание и учет момента толкает в сторону пролетарской мысли, но их обособленность и интеллигентская закваска приводит их к самообману о насаждении пролетариату футуризма.

На деле—рассыпавшаяся мертвечина и бессмысленные засечки и углы: конструктивность и силы умерли.

Старое ученическое большинство поправело и, бросивши своих вожаков из Отдела Изобразительных Искусств, забилось в углы и, вспоминая старые победы, и посейчас терзает иногда холст и бумагу заученными засечками, впадая в декаданс и иногда вывешиваясь на улицах.

Эта дилетантствующая в левизне интеллигенция—мертвая зыбь отмирающего искусства левых.

Блок левых российских течений распался.

И эту зыбь—мертвечину интеллигентского футуризма—выдают пролетариату за будущее пролетарского искусства, за пролетарский футуризм.

А. Андреев.

(Окончание следует).

Третья общегородская петроградская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций.

(С 24-го по 27-е Апреля).

24-го Апреля с пением Интернационала открылась Третья Конференция Пролетарских Просветительных Организаций и, несмотря на тревожное положение, которое переживает Петроград, работала дружно и успешно.

Пожалуй, ни на одной конференции я не видал такой сплоченности и ясности понимания задач пролетарской культуры.

Из 134 представителей с решающим голосом только два, три представителя пробовали внести кое-какой диссонанс, но и они, в конце концов, были увлечены мощным потоком солидарности.

Конференция была открыта А. Машировым-Самобытником, в своей речи подчеркнувшим чрезвычайную серьезность переживаемого момента и предложившим резолюцию о посылке отряда пропагандистов и агитаторов на восточный фронт от Пролеткульта.

В настоящее время, исполняя волю Конференции, отряд в количестве 22-х человек товарищей уже выехал на фронт.

По предложению Организационного Бюро Конференцией был утвержден Президиум в составе: почетных председателей: т. т. Ленина, Луначарского, Зиновьева, Троцкого, Лебедева-Полянского и Горького, председателя—А. Маширова-Самобытника, товарищей председателя—Садофьева и Игнатьева, секретаря Никитина.

В первый день были прочитаны: т. Никитиным отчет о деятельности Пролеткульта, который по обсуждению единодушно был утвержден с пожеланиями теснейшей связи с рабочими массами и с кипучими задачами пролетариата; после отчета о деятельности Пролеткульта был заслушан доклад т. Сирвинта: „Пролетариат и Наука"; содокладчиком выступал т. Игнатьев. В докладе развивалась идея о тесной связи пролетарской культуры с научным коллективным опытом. 3-й доклад был прочитан тов. Мгебровым на тему: „Пролетарская Арена и Революция", вызвавший оживленные прения, особенно по вопросу об отношении к буржуазному театру.

После докладов Конференция разбилась на Секции: Искусств, Научную и Клубную, в которых в течение трех дней были прочитаны 15 докладов.

На второй день в пленарном заседании были заслушаны доклады с мест и на третий—в заключительном заседании утверждены окончательные резолюции по всем докладам, принят устав Пролеткульта, и избран Центральный Комитет в составе 15 человек.

В состав Центрального Комитета вошли: т.т. А. Маширов-Самобытник—председателем, И. Садофьев и И. Никитин—тов. председателя, Зверев—секретарем, тов. Е. Игнатьев, П. Кудели и Книжник — членами Президиума и членами — А. Мгебров, Колпиков, Арский, Озолин, Сирвинт, Николаева, Гельфанд.

Закончилась Конференция заключительным словом председателя и товарищеским концертом в клубе Пролеткульта.

Резолюции, принятые Конференцией, будут напечатаны в следующем нумере журнала.

А. М.

О советских кинематографах. Вопрос о кинематографии самый больной вопрос, который требует определенного, быстрого разрешения.

В данное время, когда пролетариат победил и побеждает политически и экономически, ему необходимо победить на другом фронте. Это фронт ясного оформления классового самосознания; наконец, необходимо, чтобы на смену старой, разлагающейся буржуазной культуре пришла новая пролетарская культура, которая утверждает в сознании масс основы социалистического строительства; чтобы новое пролетарское искусство достаточно сильно и полно выражало дух революционного времени.

Должна прийти новая и последняя революция—революция духовная.

Не последнее место в искусстве принадлежит театру.

Театр—это то могучее орудие агитации и пропаганды, посредством которого обрабатывается ум и мировоззрение каждого живущего в данную эпоху.

Его стихийное влияние на массы неоспоримо.

В чьих же руках находится современный театр, и кто его руководители, по крайней мере в художественном отношении?

Люди, во всяком случае, весьма и весьма далеко стоящие от проведения в жизнь коммунистических идей.

Буржуазное искусство и в наши дни, в дни пролетарского строительства, еще процветает пышным цветом.

Оно хлещет грязным зловонным потоком с подмостков современного театра, заливает и отравляет юные души и сознание подрастающего поколения. В то время, когда коммунизм с таким невероятным трудом создает новые ценности и, напрягая железные усилия, строит фундамент новой жизни, старое буржуазное искусство разрушает его работу, его начинания.

В коммунальных театрах идут пьесы и оперы старого затхлого репертуара, от которого пахнет гнилью, ладаном и ржавчиной.

Три года революции совершенно не нашли для себя никакого отражения в наших современных театрах.

Еще хуже дело обстоит в кинематографах.

Конечно, ежели кинематограф находится в частных руках, ему и ленту в руки, чтобы с легкостью, достойной удивления, демонстрировать картины самого непристойного характера. Но, если кино переходит в руки государства, то пролетариат в праве требовать, чтобы репертуар в советских кинематографах был изменен и приурочен к переживаниям и психологии пролетарской массы.

Если в драматических и оперных театрах процветает гниль, если там происходит открытая проповедь всего отжившего, буржуазного, если там торжествует и царит еще религиозное начало, то в частных и советских кино процветает и определенно культивируется пошлость, переходящая в порнографию.

А иногда советское кино демонстрирует картины чуть ли не контр-революционного содержания; например, в Спасском районе, в «Сплендид»-театре, демонстрируются картины «Фавн» и «Полудевы». Это щекочет буржуазные инстинкты.

Вот вам «Рыцарь Красного Замка». Казалось бы, что сюжет взят из истории французской революции. Но это только так, для виду. На самом же деле сценарий этой картины—яркий продукт буржуазного творчества.

На картине все время фигурирует несчастная страдалица — королева Мария Антуанета. В то же время революционер, «некий гражданин Роше», издевается над ней, угнетает «бедную узницу» своим видом. Кроме того Роше выведен волей буржуазного составителя сценария этой картины с самой неприглядной стороны. Он пьет вино, плюется. Просто зверь какой-то во образе человека. Думается, что советскому кинематографу не следовало бы отравлять умы подобной белибердой, явно расчитанной на известную часть публики, мечтающей о приходе такого царского сатрапа, как Колчак, который принесет с собой все прелести старого романовского режима, если еще не хуже.

Затаенные мечты явно-буржуазного элемента, смакующего подобные картины, конечно, только могут остаться мечтами. Но в рабочем пролетарском государстве не может быть места подобному жанру картин с определенною белогвардейскою тенденцией.

Если руководители советских кино плохо разбираются в том, какие картины истинно-революционны, а какие контр-революционны по своим элементам, то в таком случае необходимо создать над ними настоящий пролетарский контроль, который бы и помог бороться

нарождающемуся коммунистическому строю с заразой, разносимой современным кинематографом, будь он частный или советский.

Нужно строить новое, нужно разрушать старое и негодное. В этом наша очередная задача—задача настоящего дня, нашего нового грядущего, нашего светлого и прекрасного завтра.

П. Арский.

Арена Театрального Отдела Пролеткульта. Арена ставит пьесу тов. красноармейца Козлова „Легенда о Коммунаре". Пьеса написана в стиле «аллегории» с апофеозом, в пяти картинах. Симво[illegible] представление о том, каким должен быть подлинный коммунар. Первая картина изображает «Рождение Коммунара». В горах символические фигуры: «Мысль», «Сын Земли», «Сын Солнца», «Мудрец», «Счастье» куют молотами сердце коммунара, и, наконец, из огня и пламени рождается коммунар, чтобы отдать жизнь человечеству, которое он выведет к свету. Во второй картине Коммунар призывает рабочих на фабрике, во время работы, восстать и снять ярмо рабства. Рабочие идут за ним.

Третья картина—то же самое, но только Коммунар спускается в шахты и также зовет поднять знамя борьбы. Шахтеры также идут за ним. Четвертая картина—это трудный путь голода и душевного испытания. Идущие за Коммунаром колеблются, но женщина призывает их опомниться и не поддаваться малодушию: «в прошлом—рабство, угнетение и тот же „голод», и все, как один человек, идут за Коммунаром.

Пятая картина—давно желанный город «Свободы и Коммуны».

Участвует Арена, Студия, Хор, Оркестр и Солисты Музыкального Отдела.

Музыка написана Баньковским и Озолиным. Декорации «Коллектива художников», во главе с Андреевым и Глазманом. Постановка Мгеброва. Первый спектакль состоялся в торжественный день «Первого Мая».

На пасхальной неделе Арена выступала с декламацией в районных клубах, со стихами пролетарских поэтов.

Театральный отдел открыт для приемов: во вторник, среду, четверг, от 2-х до 4-х, секретарь Сокульская; от 6-ти до 7-ми—Чекан, инструктор студии; по понедельникам от 1 часу до 2-х—ответственный организатор Мгебров.

В. Ч.

Библиография.

Грядущая Культура № 4-5,—издание Тамбовского губернского Пролеткульта.—Все журналы, издаваемые Пролеткультами, можно разделить на два резко противоположных типа. Первый—это тип вылощенных, рано одряхлевших, и потому немного скучных журналов, какими могут, например, являться Московский «Горн» или Самарский «В зареве заводов», и второй тип—тип ярко пролетарских журналов, в которых чувствуется идейный размах пролетарской мысли, «кипучая кровь» и «избыток» творческой силы. Ко второму типу нужно отнести и орган Тамбовского Пролеткульта «Грядущая Культура». Составлен номер очень разнообразно: стихи, беллетристика, статьи, даже много статей, библиография и проч.

Начнем со стихов. Самое лучшее, по нашему мнению, это стихотворение Поморского «Колокол. звони громче...» Пусть размер стихотворения навеян футуризмом, а содержание стихами т. Александровского, но в стихотворении есть настроение, оригинальность поэтических оборотов, бравурность ритма.

„... Сердца наши—алые маки,
А взоры—лазурные дали.
Мы знаем, кто воет во мраке,
Кого мы к земле прижали.
Не нужно нам ваших музеев,
Церквей, уходящих в выси.
Мы сами себе Прометеи,
Мы сами себя возвысим".

Чувствуется, что поэт захлебывается от радости, сознавая, что он сам является частью той гигантской силы пролетариата, которая прижала к земле весь буржуазный мир.

Слабее по настроению стих. Кириллова «Пролетарским поэтам». Помимо плохо разработанного содержания, в нем много не однажды повторявшихся шаблонных фраз, в роде «песни громовой», «грядущего солнца», «яростный зов», «сечи», «грядущих времен», да и сам поэт в этом коротком стихотворении дважды повторяет слово «звездное», при чем «звездные» строки—образ красивый и легкопонятный, «звездные» же «звоны» уясняются с трудом... Строка: «весны небывалой предтечи» очень живо напоминает стих. Садофьева, также посвящаемого пролетарским поэтам,—«Шествуют грядущих веков Предтечи», за которыми идут не только «легионы», но «миллиарды» рабочих певцов. Но в общем стихотворение певучее и бодрое.

В стихотворениях Колосова «В праздник» и Дм. Богомолова «Март» нарисованы картины, понятные только провинциальным рабочим: в первом описывается прогулка на лыжах, во втором—талые весенние поля. В стих. «Март», после «траурных кочек», снега таявшего «споро», осевшего на речке льда, ручьев, бегущих «с горных скатов», как-то некстати противопоставляется «дух весны», висящий над «ширью белой пелены, что соткали мороз и вьюга». Неудачно построен оборот фраз первого четверостишия, в котором, при чтении, получается неприятная ассоциация—«грача, порвавшего свой снежный плащ»...

Тов. Слетову также необходимо отказаться от таких затасканных архаических слов, почерпнутых из былинного эпоса, как например: «лат», «доспехов», «ратей», «стягов», после стягов ненужных «штандартов» и т. д., как будто пролетарскому поэту неоткуда больше черпать художественные образы.

Но все-таки и в этих, повторяем, стихотворениях чувствуется красочность, оригинальность мысли, своеобразный отпечаток лирических переживаний.

Рассказы почти все интересны. Федор Сова в рассказе «Жизнь проходила мимо» знакомит нас с переживанием ссыльных в момент освобождения их революцией; т. Иосиф Мохначев рассказывает интересный эпизод о мытарствах наших красноармейцев, попавших в плен к казакам и сумевших вырваться обратно. В рассказе «Ганька» Никол. Варяжский рисует психологически тип двадцатилетнего парня, попавшего в кошмарную обстановку бытового мещанства. Но лучший рассказ—это все-таки т. Толкачева «На посту», где замерзающий, изнемогающий от усталости красноармеец Сильва в последний момент могучим усилием воли предупреждает выстрелом о неприятельской разведке. В этом рассказе т. Толкачев поражает красочностью и свежестью колорита, язык сжатый и меткий, описательная сторона рассказа—очень сильна. Вот, например, картина зимнего пейзажа:

„За гумном около омета ржаной соломы начинался ряд корявых ветелок и уходил далеко за деревню. Чернел, как зубчатый горный хребет, смутно выделяясь в ночной полутьме... Из стога, повидимому, брали солому, и оттого образовалась неглубокая впадина в нем, а сверху нависла промерзлая, от времени почерневшая масса былинок, запушенная снегом. Сильва прислонился к омету, и его спина вся ушла во впадину. Несколько свежих, желтых соломинок упали ему на колени и шапку..."

Или вот описание боя:

„Неприятель шел в наступление. Дым заволакивал его. Нельзя было ясно различить людей,—все смешалось во что-то одно—черное. И это черное все полало вперед, все подвигалось, как огромное, злое пресмыкающееся, выпуская клубы огня и дыма. Затрещали с обеих сторон пулеметы, защелкали затворы винтовок. Заработали орудия. Их раскатистый гул потрясал всю окрестность. Засуетились люди в беспорядочной толкотне, беготне, вдруг сразу же на перебой заговорили, зашумели, как пчелы в ульях. Словно пришел кто-то с огнем и смертью, пришел—зажег землю, воздух, закружил в вихре огня и дыма людей, породил стоны, предсмертные крики, посеял везде необ'ятный страх и смятение...

„И сказал: „Враги-люди, сойдитесь! Сокрушайте друг друга смертью: вас так много." И отошел"...

А вот живая характеристика Сильвы, в оригинальном диалоге:

„Загвоздка в нем одна есть,—бабенков не любит. Ведь этакая оказия, подумаешь. Ну, что уж нужно-б. И лицом взял, да и телом не отстал. Завершил себя как следует..."

„Шестой винтик зазубрился,—колесо-то и раскололось."

„Возле юбочного духа разума не наберешься...

„Разное говорили про Сильву. А Сильва не обращал на это никакого внимания, точно слова не его касались. Плевать, мол, мне на ваши толки да пересуды. Что они мне? Ничто.

— Так что ль?"

В общем в творчестве тов. Толкачева на лицо все данные, чтобы сделаться хорошим беллетристом.

В рассказе Мохначева „В плену у казаков", необходимо отметить нагромождение второстепенных подробностей, отягощающих интересный рассказ. По нашему мнению, рассказ выиграл бы, если бы отбросить первые сорок строк и начать с подхода отряда к месту действия, к деревне.

Из статей наиболее выдержанной и правильно намечающей наше отношение к футуризму является статья С. Клубеня «Пролеткульт и Ком. Фут.». Указав на причины легкого успеха якобы пропаганды футуризма, покоящегося на революционном отрицании буржуазного искусства, тов. Клубень приходит к выводу, что это только революционная поза, и что по существу футуризм остается попрежнему беспринципным, глубоко индивидуальным течением буржуазной мысли.

Раскрывая кулисы футуристских барабанных призывов к войне «до победного конца» с Рафаэлем и Пушкиным, тов. Клубень, из статьи Луначарского «Ложка противоядия», устанавливает, что воинственный футурист Пунин под сурдинку потеет над тем, чтобы спасти «традиции» Мстерской иконописи, а Маяковский, дважды убивавший стодюймовками уже однажды убитого авантюристом Дантесом поэта Пушкина, готов теперь над своей жертвой возлагать хризантемы. Клубень спрашивает: «Разве рабочие коммунисты тоже жаждут «позы» и из-за позы идут в ком-футы?»

Чтоб доказать, что футуризм, кроме словесной пропаганды, ничего не имеет общего ни с комунизмом, ни с пролетариатом, т. Клубень не советует прибегать к фактам прошлого футуризма, ибо от них футуристы всегда могут великолепно отказаться. Тем более, что свою вчерашнюю позу они и сами нимало не скрывают.

В № 8 газ. «Искусство коммуны» Пунин цитирует стихотворение «гениальнейшего из гениальных» В. Хлебникова, написанное в 1915 г.

„Падают брянские, растут у Манташева.
Нет уже юноши, нет уже нашего
Черноглазого короля беседы за ужином.
Поймите—он дорог, поймите—он нужен нам" (1915)

«Хоть это стихотворение»—говорит Клубень,—и приводится, как пример «разорванного сознания», пропагандируемого «пролетарским искусством» футуристов, но тем не менее для многих с «неразорванным сознанием» многое вполне ясно. Ясно, что в 1915 г., когда тысячи, миллионы пролетариев проливали кровь, переносили нечеловеческие

страдания и умирали за интересы капитала, футуристский поэт, которого теперь сватают в классики «пролетарского искусства», следил за биржевой вакханалией, за взлетом и падением акций, очевидно заинтересованный в «празднике дивидендов».

Не оттого ли и погиб «король бесед», что слишком упали брянские.

«Футуризм,—в заключение продолжает тов. Клубень,—последняя, беспощадная и болезненная попытка возродить прогнившее содержание буржуазного искусства посредством обновления формы». Футуризм является искусством для избранных и, как таковое—буржуазен, как таковое—враждебен искусству пролетарскому, назначение которого— *давать наибольшее количество переживаний, возбуждающих энергию к коллективизму, к труду и жизни, для наибольшего количества людей.*

Пролетарская культура, пролетарское искусство, есть продукт творчества масс, массам вполне понятное, массами любовно-приемлемое».

В дальнейших статьях: «Интеллигенция и коллективное творчество», «О работах Пролеткульта», «Мысли о театре», «В клюквенном море», «Пролетарская поэзия», высказано немало интересных мыслей, хотя, оговариваемся, высказано не совсем беспристрастно. Особенно сказалась суб'ективная точка зрения авторов, скрывшихся под инициалами В. К-а, С-вен, в отделе библиографии, при разборе питерских поэтов: Садофьева, Самобытника и других. Попадаются, например, такие перлы пролетарской критики: цитируя строку стих. Самобытника: «Волнующим сроком, как огненным током, напьемся мы соком весенних сердец», тяжеловатый на ум критик безапелляционно заключает—«в этой строке нет *ничего, не исключая и смысла*».

Хорошо, что поэт Самобытник—человек мирный, никогда не претендовавший на философский смысл плохо разбирающихся критиков. Такой же прием употреблен и при разборе книжки стихов Самобытника, в оценке т. В. К-а, «Шаблонен и бледен цикл «К вечному солнцу» и почти все стихи «боевого характера». В. К., сомневающийся в боеспособности стих. Самобытника, написанных в дореволюционное время, мог бы осведомиться об этом у петроградских рабочих, которые еще до сих пор помнят их. Характерно, «что надуманная и ничего не говорящая», по мнению В. К-а, строка: «и в стан ваш зарубежный бросаю ран моих пылающий венок» приводилась в газете «Правда,» как наиболее художественный образ, полный глубокого смысла. Стихи названы «Под красным знаменем» не потому, что в них заключается динамическая сила, «рвущая все плотины, все затворы», по выражению В. К-а, а потому что были верными спутниками в тяжелой борьбе поэта под красным пролетарским знаменем. Такой же суб'ективизм наблюдается и при разборе стихов Садофьева, при чем одного из стихотворений, приведенного В. К-м, уже давно нет в сборнике Садофьева «Динамо-стихи». Приводя целый ряд стихотворений Садофьева и указывая на их отрицательные стороны, В. К. не привел ни одного положительного стихотворения, как будто это единственный в своем роде пролетарский поэт, мнение о котором можно представить по отрицательной стороне его творчества.

Вся критика—сплошной обвинительный акт, воистину чудовищная критика!

Князева обзывать сатириконцем пора бы перестать; указывая на сучек в глазу соседа, не замечают бревна таких же ошибок в собственных глазах, ибо еще у многих в памяти, как некоторые истинно-пролетарские поэты в дореволюционное время красовались на страницах пролетарских журналов «Солнце России», «Маленькой газете», в «Синих» и дамских журналах, а после революции в «Красном Огоньке» Ясинского.

Несмотря на указанные нами промахи в библиографии, орган Тамбовского губ. Пролеткульта «Грядущая культура» и с художественной, и с идейной стороны является одним из лучших пролетарских журналов.

А. М.

Ответы авторам.

Николаю Вилнис (Тула). **Николаю Рыбникову** (Вологод. губ.). **Дурову** (Ярославль). **Мар. Альберг** (Витебск. губ.). **Р. П. и Бор. Жаслину** (Могилевск. губ.). **Николаю Задонскому** (Воронежск. губ.). **Коноплеву**, курсанту **Аниканову**, курс. **Обвинцеву** (Москва). **Малахову** (Можайск), не указавшим адреса и красноармейцам: **„Гесама“**, **Н. Гришину**, **Дубровину**, **Бор. Обойденному**, **Минаеву**, **К. Гретынь**, **Китерно-Цинальской**, **Н. Жукову**, **Г. Паузе и В. Н. Т.**:

Стихотворения очень слабы, как со стороны формы, так и со стороны содержания. Напечатаны не будут.

Ив. Тютикову.—„Зори горят“—риторично, растянуто и бледно.

В. Анисимову. Техникой стиха Вы владеете, но содержание Ваших стихов оставляет желать лучшего. Все эти „белые ночи“ и „страстные очи“ взяты из арсенала буржуазных стиходелий. Стихи не пойдут.

Ив. Гр.—„Смелее в бой“ нет ни построения, ни художественных образцов, ни музыки,—одни слова, да и те мертвые. Словообразования „Белоордой“ и „Чернарод“—очень неудачны.

Антону Вашкову.—„Глаза души“—перепев Блоковской „Незнакомки“. Стихотворение не пойдет.

Редактор: **Коллектив.**

17-ая Государственная Типография, 7-ая рота, д. 26.

В КУЗНИЦЕ.

Отрывок из поэмы „Каменщики“.

В кузнице хмурый ковач, засучив рукава,
Поднял тяжелый свой молот.
Черная шея, замасленный ворот,
В пламени черных волос голова.
Сталь изомнется под силою рук,
Сталь—порожденье искусства, труда и наук.
Что ж, кузнецу своей силы не жаль,—
Молод он...
Молодость так же безбрежна, как даль,
Прочнее, чем молот, и крепче, чем сталь.

Мальчик пронзительно крикнул: „Готово!“—
Молотобойцы рванулися к молотам.
Ловкий кузнец, как машина, без слова
Бросил железо, горящее золотом.
— Бей, Бах!
Дри-ни-ни!
На губах
Вышла пена из слюни.
Во весь дух
Парень бьет:
Бьет с размаху,
Бьет за двух.
Сквозь рубаху
Вышел пот.
Бим, Бот,
Дри-ни-ни!
Бом, Бух!
Целы дни!

Синим вечером люди устанут,
Кузню кровью горн обольет.
Днем тяжелым, как прежде, обманут,
Еле слышно кузнец запоет:
„Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Иди на врагов, люд голодный;
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед!“
Песня без отклика, грустно замрет...
„Неужель эта ночь без просвета,
Жизни новой заря не взойдет,
Не найдется вождя и поэта,
Чтоб поднять угнетенный народ?...
Неужель мне, одетому в блузу,
С другом звонким моим, молотком,
Не взрастить пролетарскую музу
В протестующем сердце моем?
Неужель я горячим проклятьем
Не отвечу жестоким врагам,
И в неволе трудящимся братьям
Перед боем сигнал не подам?
Неужель в непосильном страданье
Не созрел пробуждающий гнев,
И по тюрьмам, и в тяжком изгнанье
Мы погибнем, расцвесть не успев?“

Так склонив утомленные очи,
Размышляет кузнец, а кругом...
Крепко думает каждый рабочий
Все о том же заветном одном.
Кто-то вдруг стал на железные плиты,
Крикнул, и смолкли машин голоса:
„Братья, на митинг сюда подходите,
Только на четверть часа!
И этого будет довольно.
Все, кого мучают, все, кому больно,
Все, кто неволи не хочет,
Идите, идите!“
Больше никто и ничто не грохочет...
Бросили труд свой и льются лавиной,
Льются в лохмотьях, испачканных сажей
и глиной.

Встали. Оратора слушают жадно...
Он говорит о борьбе беспощадной...
Кто это сотнями тысяч ног
В гулкие камни дорог
Твердо, уверенно бьет?
Это—восставший рабочий народ,
Из фабрики каждой, из каждой заставы
В битву с врагами идет.
С могучим призывом:
„На бой кровавый, святой и правый,“
Охваченный мощным порывом,
Пылающий гневом-пожаром,
Он жаждет единым ударом
Разрушить неправду и гнет.
На пурпуре красных, как кровь, знамен
Горит заветный зов:
Сбирайтесь в один мировой батальон
Стремящихся к воле рабочих борцов;
Загорайтесь революционным экстазом,
Не виденным в мире ни разу!

В. Торский.

Имена же демонов: **Незнание, Рабство, Убийство, Предательство, Самоунижение, Жадность и Невежество.**

И, когда семь Ужасов, по темноте твоей, завладевают духом твоим, тогда ты из пылающей горы становишься комом грязи, из орла—червем, из светлого луча—копотью, чернее котла смолокура.

Ты попираешь ногами кровь мучеников, из злодея делаешь властителя, и, как ошпаренный пес, лижешь руки своим палачам и угнетателям.

Продаешь за глоток водки свои леса и земли обманщикам, выбиваешь последний зуб у престарелой матери своей и отцу, вскормившему тебя, с мясом вырываешь бороду...

Забеременела вселенная Зверем тысячеглавым.

Вдоль и поперек прошел меч.

Чьи это раздирающие крики, которые потрясают горы?

Это—жалобы молодых жен и рыдания матерей.

Два всадника, закутанные в саваны, проносятся через села и города.

Один обглоданный, как скелет, гложет кусок нечистого животного, у другого вместо сердца—черная язва, и волчьи стаи с воем бегут за ним.

И нет пощады отцам ради детей.

Горе, горе! Кровь разливается: она окружает землю красным поясом!

Какие это жернова, которые вращаются, не переставая, и что размалывают они?

Русский народ! Прочисти уши свои и расширь сердце свое для слов Огненной Грамоты!

Жернова—это законы царей, вельмож и златовладетелей, и то, что размалывают они,—это мясо и кости человеческие.

Хочешь ли ты, сын мой, попасть под страшный, убийственный жернов? Хочешь ли ты, чтобы шею твою терзал, наглухо заклепанный, железный ошейник раба, чтобы правая рука твоя обвила цепями левую, а левая обвила ими правую? И чтобы во власти злых видений ты так запутался в оковах, что все тело твое было бы покрыто и сжато ими, чтобы звенья каторжной цепи прилипли к твоему телу, подобно кипящему свинцу, и более не отпадали?

Если ты веришь тьме—иди во тьму!

Вот поднялись на тебя все поработители, все Каины и убийцы, какие есть на земле. И они сотрут имя твое, и будешь ты, как грязь, попираемая на площади. И даже паршивый пес должен будет нагнуть морду свою, чтоб увидеть тебя.

И там, где была Россия—земля родимая, колыбельная, будут холмы из пепла, пустое, горелое место, политое твоей кровью.

О, русский народ! О, дитя мое!

Прекраснейший из сынов человеческих!

Я—Разум Огненный, который был, есть и будет во-веки, простираю руки мои, на ладонях своих неся дары многоценные.

В правой руке моей **Пластырь Знания**—наложи его на темный глаз твой, и в левой руке моей **Бальзам Просвещения**—помажь им бельмо свое!

Никогда небо не будет так лучезарно, и земля так зелена и плодородна, как в час прозрения всенародного. И сойдет на русскую землю Жена, облеченная в солнце, на челе ее начертано имя—**Наука**, и воскрылия одежд ее—**Книга горящая**. И, увидя себя в свете Великой Книги, ты скажешь:

„Я не знал ни себя, ни других, я не знал, что такое Человек!

„Теперь я знаю“.

И полюбишь ты себя во всех народах, и будешь счастлив служить им. И медведь будет пастись вместе с телицей, и пчелиный рой поселится в бороде старца. Мед истечет из камня, и житный колос станет рощей насыщающей.

Да будет так! Да совершится!

Н. Клюев.

Будем жить...

Ах, зачем в твоей тоске острожной
Роковых сомнений блещет меч?
Разве нам с душой, как гром, тревожной
Придорожной пылью в мире лечь?

Разве нам в ударах бури встречной
В глубь уйти обманчивого сна?
Будем жить, чтоб в жизни быстротечной
Бросить вечной жизни семена.

Лишь развеять с сердца груз гнетущий,
Оборвать сомнений черных нить,
И в борьбе, сквозь ураган ревущий,
Наш грядущий мир благословить.

Самобытник.

О пролетарской культуре.

Из речи тов. А. В. Луначарского на 2-й Конференции Пролет. Просв. Организаций.

Сколько раз в эти голодные дни я присутствовал на открытии рабочих театров при переполненных залах, и как здесь с вами говорил Шелли, так там говорит с рабочими Пушкин. Те гении, которые всегда жаждали дойти до народного сердца, несмотря на всю скорбность момента, как веянья солнца врываются в окна рабочей каморки, настежь открытые рабочим классом. Глубоко трогательное, чему удивляются даже наши враги, оставляет впечатление та стойкость борющегося пролетариата, под ударами голода, в битве с врагами внешними и врагами внутренними, оставаться на передовой позиции и ждать, пока подойдет западная армия наших пролетарских братьев. Но в то же время пролетариат успевает расти и первые цветы, первые подснежники, первые фиалки той пролетарской весны и того великого рабочего культурного лета. И здесь, конечно, тот союз пролетарских просветительных обществ, каким является Пролеткульт, становится явлением наиболее ярким, наиболее значительным. Мы знаем, что культурное творчество рабочего класса дается не сразу. Пролетарская культура только еще пробивается сквозь толщу старого льда. Но она молодая, как Геркулес в колыбели душит одну змею за другою и растет, и скоро, как царевич Гвидон, разрушит те узкие рамки, которые сковывают ее рост. Пролетарская культура, как детские сапожки великана, отличается от стоптанных туфелек буржуазной культуры. Противопоставляя таким образом нашу пролетарскую культуру старой буржуазной, я далек от мысли, чтобы творения гениев зачислять в буржуазные ряды. Творения гениев, часто вопреки воли гениев и причиняя им этим могучую боль, носили на себе след какого-нибудь гнилого поцелуя мецената, черную печать рынка, к которому приходилось приспособляться. Но и в этих клетках, в этих оковах гении старались развернуть свои орлиные крылья, и в сердце каждого жила мечта о подлинной свободе творчества, при которой бы они могли выпрямиться и излечить все свои уродства. Отсюда их скорбь, тоска, вопли к небу и аду, отсюда их проклятья насилию и гордые протесты, которые являются не чем иным, как призывами к нам, к далеким потомкам, которым они говорят: „простите, если у нас был горб на спине, но все, что есть у нас хорошего, радостного, честного, блещущего талантом, все это мы возносим вам“.

С этой точки зрения эти гении не ваши, господа буржуазия, а наши, и они не для того, чтобы перед ними рабски кланялись и учились в смысле слепого подражания, они просто наши товарищи и страдающие братья, которые, как и мы, создают и творят жизнь. Такие гении должны занять почетное место в нашем пролетарском Пантеоне, ибо они еще послужат для свободного творчества мировой культуры, во главе которой идет пролетариат. Если было когда-то сказано, что основание одного рабочего союза важнее битвы при Седане, то можно сказать, что основание и расцвет таких обществ, как Пролеткульт в Советской России, не менее важно многих значительных исторических событий. Все, что в обычное время было бы не так важно, на грозовом фоне революции приобретает колоссальное значение, и то, что пролетариат в минуту величайших испытаний не перестает говорить о творчестве новой культуры, собирая в то же время все, что есть лучшего в мировой науке и искусстве, для того, чтобы использовать это, как удобрение, для нашего нового расцветающего сада; то, что она—молодая новая пролетарская культура—в лютую зиму невзгод все-таки поет и хочет смеяться, протягивая руки к подлинной красоте жизни, все это показывает, что пролетарий восстал, как человек с большой буквы, что он собственно является Прометеем, который открывает новые пути. И вот почему на каждом пролетарском празднике и здесь, в этом дворце пролетарской культуры, я чувствую себя, как на своеобразном богослужении, ради будущего человечества. Все это мы делаем торжественно, мы не знаем, по какой земле мы ходим. Будущий историк трепетной рукой на великих страницах будет записывать хронику наших дней и, быть может, со слезами умиления впишет историю Пролеткульта, этого первого зачатка свободного великого рабочего и прекрасного искусства.

Т. Морозов, выступая с приветствием от губернского отдела народного образования, говорит об одиночестве пролетарских писателей; а этого одиночества не должно быть. Пролетарские писатели должны коллективно работать на пользу народную.

Н. С. Власов-Окский приветствует с'езд от имени редакции газеты «Тверская Правда»; при этом он указывает на беспомощность начинающих писателей. Самоучки бредут словно во тьме ночной на ощупь. С'езд путем организации литературного общества и затем устройства студии—курсов должен научить начинающих писателей технике литературного творчества; необходимо устройство литературных вечеров и издание альманаха, а равно и отдельных изданий пролетарских произведений. Задача с'езда — об'единять писателей в тесный литературный кружок.

Затем приветствуют с'езд участники последнего: М. М. Соколов (в стихотворной форме) и т. Львов-Теркин, указывающий на с'езд, как на источник новых песен.

После этого председатель предлагает послать приветственные телеграммы от с'езда Суриковскому литературному кружку в Москве и отсутствующим почетным председателям с'езда А. М. Пешкову (М. Горькому) и А. В. Луначарскому. Предложение единогласно принимается.

Затем была почтена вставанием память писателя Вересаева (Смидовича), погибшего от руки белых.

После этого об'является перерыв на два часа, при чем президиуму поручено выработать повестку занятий с'езда.

На вечернем заседании оглашается и принимается повестка занятий с'езда со включением нового вопроса о выявлении литературной физиономии участников с'езда путем устного изложения краткой биографии каждого писателя.

Из заполненных писателями анкет выяснилось, что по возрасту самый старший писатель на с'езде имеет 70 лет и самый младший — 17 лет. Большая часть участников с'езда—поэты. Печатались лишь 11 писателей. Отдельными выпусками изданы произведения 8-ми писателей. Членами литературных обществ и кружков состоят 7 писателей. Графа о партийности заполнена следующим образом: коммунистов трое, сочувствующий коммунистам один и один член Росс. соц. рабоч. партии интернационалистов. Остальные беспартийные.

При обсуждении задач и целей предстоящей организации писателей, после прений, был принят устав Общества пролетарских писателей имени И. С. Никитина.

В правление Общества выбраны С. Д. Дрожжин, Власов-Окский и другие.

В тот же день был установлен порядок выступления поэтов на вечере-концерте пролетарских писателей, имеющем быть в воскресенье 9-го ноября, в помещении клуба «Третий Коммунистический Интернационал».

На собрании пролетарских писателей, состоявшемся в Литер. Отделе Петроградского Пролеткульта, был затронут вопрос о товарищеской взаимопомощи и о создании клуба пролетарских писателей. После оживленного обмена мнений решено выбрать организационное бюро, которому и поручить подыскать помещение для общежития и клуба и, кроме того, созвать с'езд пролетарских писателей. В бюро выбраны т.т. Арский, Бердников и Маширов.

Все справки по созыву с'езда пролетарских писателей просим направлять по адресу: Литер. Студия Петрогр. Пролеткульта, т. Арскому.

15-го декабря предполагается с'езд рабоче-крестьянских писателей г. Петрограда и ближайших к нему местностей. На с'езде будут заслушаны доклады о задачах пролетарского творчества в области художественной литературы, организационные вопросы, отношение к другим литературным течениям, и предложен будет на утверждение устав коммунистического союза рабоче-крестьянских писателей, выработанный организационным бюро по созыву с'езда.

Литер. Отделом Петр. Пролеткульта подготовлен к печати новый сборник произведений двадцати пролет. поэтов и литературно-художественный альманах, предназначенный для Красной армии.

21-го ноября театральная студия Петр. Пролеткульта выезжала в г. Кронштадт, где в течение трех дней шла пьеса т. Арского, «Красные Зори», и новый пролетарский концертный репертуар.

Агитационным отделом Петерб. Комитета коммунистической партии постановлено организовать центральный партийный клуб для членов партии. Организация клуба поручена т. Куделли, заведывающей Клубным Отделом Пролеткульта, и тов. Арскому.

Комиссией Пролеткульта разработан план чествования Октябрьской годовщины: намечен большой митинг-концерт в здании Пролеткульта и участие в праздничной демонстрации.

Редактор: Коллектив.

17-ая Государственная Типография, 7-ая рота, д. 26

Только что закончил свои работы в Москве с'езд по рабоче-крестьянскому театру, отличавшийся оживлением, многолюдством и интенсивностью работ. К сожалению, в основных вопросах с'езд не пришел к единому пониманию задач рабоче-крестьянского театра; виною этому крайне пестрый состав с'езда, включающий в себя массу профессионалов и мещан-любителей—и в результате с'езд раскололся на две части: оппортунистического большинства и революционного меньшинства. Не имея пока в руках резолюций большинства, помещаем резолюции меньшинства, из которых одна вначале была принята большинством с'езда.

Первая резолюция коммунистической фракции и революционного меньшинства.

I. Проблема социалистического театра неразрывно связана с проблемой социалистической культуры. Борьба за социалистический театр сводится к борьбе за социалистическую культуру или, говоря шире, за социализм. В переходную эпоху театр является одним из факторов этой борьбы.

II. Театр прошлого и буржуазный театр должен уступить свое место новому массовому, так как его формы не могут вместить нового содержания. Этот театр прошлого и буржуазный театр может быть использован для ознакомления с достижениями прошлого. Он должен функционировать под активным контролем Отделов Народного Образования и при деятельном участии представителей рабоче-крестьянской аудитории. Его деятели должны быть использованы в качестве технических специалистов впредь до создания новых театральных деятелей из рабоче-крестьянской среды.

III. Новый театр может быть создан лишь самим рабочим классом и примыкающим к его идеологии революционным крестьянством, путем их самостоятельной творческой театральной работы, через создание студий, инструкторских курсов для подготовки театральных деятелей из среды рабочих и крестьян, при помощи организационных народных празднеств, театрального преподавания в школах и т. д.

IV. Пролетарский театр, творимый революционной массой, сам создаст свой репертуар и будет отличаться коллективностью своей творческой работы, вовлечением зрителя в театральное действие, массовым характером постановок, широким использованием методов импровизаций. Ввиду этого театральная политика Наркомпроса должна базироваться прежде всего на всемерной поддержке всех театральных начинаний, идущих из недр трудовой массы, покровительство же профессиональному театру, хотя бы и в его обновленном виде, должно стоять лишь на втором плане.

В частности, с'езд полагает, что в процессе борьбы пролетариата за социализм уже возникают новые формы грядущего театра, выявляясь в памятные исторические дни, потому что пролетариат призван историей к преобразованию общества путем той коллективной творческой энергии, которая нужна для выявления новых форм театра.

С'езд считает, что на организацию художественного празднования таких исторических дней должно быть обращено своевременное и самое серьезное внимание.

Вторая резолюция коммунистической фракции и революционного меньшинства.

1. Социалистическая революция, разрушающая капиталистический строй и передающая власть пролетариату, характеризуется сменой буржуазной культуры — культурой побеждающего рабочего класса, культурой пролетарской.

В противовес индивидуалистической, анархической, авторитарной, расслабленной и собственнической культуре капиталистического мира, новая культура отмечена печатью коллективизма, товарищески организованного сотрудничества, творческой бодростью, радостным и активным восприятием мира.

2. Политическая и экономическая борьба трудящихся в эпоху социалистической революции опирается на тесный союз рабочего класса с беднейшим и средним крестьянством при ответственном руководстве пролетариата. В области культурного творчества рабочий класс точно также будет итти рука об руку с крестьянством, которое чем далее, тем более будет итти под знаменем коммунистического идеала. Только, освобождаясь от наследия прошлого и переходя на точку зрения рабочего класса, крестьянство может оказать плодотворное влияние на развитие новой культуры.

3. Пролетарский театр, как театр, являющийся начинателем будущего творческого театра, должен существовать совершенно самостоятельно и тщательно блюсти свою классовую чистоту, как залог плодотворности его работы.

4. Крестьянский театр, внося в театральное дело свои особые навыки, свое чувство природы, свою близость к капитальному прошлому, создавшему при его ближайшем участии художественное наследие, свои художественные возможности будет успешно развивать лишь в теснейшем контакте с пролетарским театром и под идейным влиянием последнего.

ПРИЗЫВ

фракции коммунистов I Всероссийского С'езда по рабоче-крестьянскому театру, прочитанный на заключительном пленуме 26-го ноября 1919 г.

В переходный период социального строительства, когда идея коммунизма претворяется в новые, реальные формы в области политической и экономической, перед свободным пролетариатом и раскрепощенным трудовым крестьянством встает задача по созиданию новой коммунистической культуры.

Считая пролетарский театр одним из важных факторов в организации новой культуры, коммунистическая группа 1-го с'езда рабочего и крестьянского театра призывает товарищей на местах положить в основу своей творческо-практической работы в области самодеятельного театра две резолюции меньшинства с'езда: касающиеся путей нового театра и отношений театра пролетарского и крестьянского между собой. Полагая, что резолюция и декларация большинства об основных задачах нового театра, отдающие обильную дань мелко-буржуазным заблуждениям и страдающие недоговоренностью и противоречиями, способны лишь помешать работе над новым театром, коммунистическая группа с'езда призывает всех деятелей рабочего и крестьянского театра бороться за проведение в жизнь резолюций меньшинства.

Только идя по пути пролетарского театра, новый театр рабочих и трудовых крестьянских масс создаст будущий социалистический театр.

Ввиду невозможности в данное время регулярно выпускать номера журнала и ввиду все возрастающих цен на бумагу и типографские работы, годовая подписка на журнал „Грядущее" временно **ПРЕКРАЩЕНА.**

Журнал будет продаваться только отдельными номерами.

Цена этого (двойного) номера 18 рублей.

ТОВАРИЩИ,

рабочие и крестьяне, трудовой городской и сельский народ!..

По всей земле, из края в край мира, гудят перевороты. Война, начатая на радость королей, царей, президентов, развернулась шквалом, который низвергает императорские дворцы, жжет мантии, сбрасывает короны, обращает в прах королей. Мир, в котором, казалось, все было так тонко прилажено, рухнул. И вместо воли банкиров, помещиков, спекулянтов провозглашена воля тех, кто создал поля, заводы, насыпи, дома, кто отбывал вековую повинность работы,—провозглашена воля трудового рабочего и крестьянского народа.

Может быть, час окончательного торжества революции еще не пробил, может быть, это лишь первый трезвон победы, но призраки молодости ходят по полям и заводам всех материков; эпоха, равной которой еще не было от создания мира, открылась.

Столбы, подпиравшие старые горизонты верований, надежд, красоты, раздвинулись вместе с военным и революционным ураганом ринулись водопады новых понятий, вереницы новых слов закрутились над дымом, кровью и радостью революций. Побеждающее человечество в своем боевом угаре готовит слова, песни, рождает радостные догадки о замахах жизни, еще на раскрытых, но о которых трепетно заикаются одиночки.

Камерные кустари красоты, вырастившие поэзию и музыку в закрытых от народа оранжереях, застыли и замерли перед пришествием блуз, папах и партизанских колонн.

И мы хотим быть новыми пришельцами, дерзко раскроем занавес над городами, улицами, мастерскими, базарами, казармами.

Мы зовем к новым легендам борьбы, окутанной дымом восстаний, к поэмам уличных человеческих морей и к восторженной музыке работы. Мы вскроем перед восставшими дворцы и дома, наполненные картинами, музыкой, пением; мы сохраним и продемонстрируем всю радость искусства, добытую на костях тысячелетнего рабства, но сейчас же, угадывая дух мирового пульса, мы будем приглашать в музыканты и поэты первого смельчака с революционной улицы. Назовем его анонимным делегатом анонимной толпы. Мы выведем его торжественно на митинги, фабрики и площади, и попросим под огнем миллионов глаз назвать новые инструменты музыки, и, может быть, он будет первый, кто создаст симфонию рабочих ударов и машинного топота и гула.

Мы сразу пустим в ход нашу фабрику искусства. Она все еще на старых подшипниках, и ее шестерни крошатся, но мы ставим новый осеняющий маховик... И пусть ломятся ворота фабрики от напора новых чумазых толп, от которых мы не будем спрашивать ни имен, ни видов на жительство.

А. Гастев.
Г. Петников.
Н. Ильин.
М. Бихтер.
А. Аркатов.
Б. Вольский.

Всеукраинский Совет Искусств.

Харьков, Мироносицкая ул., № 48.